

АРОН
РОДОВИЧ

СЕРГЕЙ
ШИЛЕНКО

+10 ОС

ГОРОД ГОБЛИНОВ

ГРОМ

Город Гоблинов. Гром

Арон Родович

Город Гоблинов. Гром - I

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Город Гоблинов. Гром - I / А. Родович — «Автор», «Автор»,
2026 — (Город Гоблинов. Гром)

Новая история во вселенной «ГОРОД ГОБЛИНОВ». Егор Громов должен был умереть после предательства. Вместо смерти он получает статус Игрока и оказывается в мире Системы, где сила измеряется уровнями, а ошибка стоит жизни. Впереди — захваченный гоблинами город, испытание на выживание, новые союзники и враги. Чтобы выжить и вернуться домой, Грому придётся стать сильнее...

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	75
Гл	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Город Гоблинов. Гром - I

Глава 1

— Тебя же просили проиграть этот бой, — сказал Руслан, опуская руку с ножом. Я вернулся, оттолкнулся плечом от стены и ударил его в челюсть. Он рухнул, а я осел рядом: ноги больше не держали. Три года этот ублюдок устраивал мне бои. Сегодня вышел проводить — и ударил в спину.

Я вытащил телефон, выронил его на асфальт и с трудом подтянул к себе. Пальцы скользили по экрану, оставляя на стекле кровавые полосы. До угла, где меня могли бы услышать, было метров десять; я попытался крикнуть, но только закашлялся. Перед глазами возникла надпись:

Начать Игру? Да/Нет

Ниже сообщалось, что при согласии я принимаю условия и правила. Я попытался выбрать «Да». Руку поднять не удалось, но стоило захотеть — и надпись сработала.

Внимание! Предварительное испытание пройдено!

Система (75%) активна... Соединение с Сервером (50%)... Получение статуса Игрок!

Формируются базы данных для нового мира... Идёт сканирование персонажа. Параметры считываются автоматически... Подождите...

Боль исчезла. Я попытался прижать ладонь к спине — и не почувствовал ни руки, ни раны. Вокруг белела пустота. Я попробовал оглядеться — найти асфальт, стену, хоть что-нибудь знакомое.

«Эй! Я живой?»

Я попытался крикнуть ещё раз, но голоса не было. Прислушался. Тишина. Вместо ответа передо мной появилась строка.

Идёт сканирование персонажа. Подождите...

Я вгляделся в строку. Та мигнула и сменилась таблицей.

Егор Андреевич Громов (...)

Общий ID: неизвестен.

Локальный ID: K-214.

Истинное имя: Егор Андреевич Громов.

Возраст: 26 лет (9 738 дней).

Раса: человек (85%).

Пол: мужской.

Уровень: 1 (0/20 Очков Системы).

Доступно: 0 Очков Системы (ОС).

Параметры*:

Сила: 9/10.

Ловкость: 9/10.

Интеллект: 8/10.

Живучесть: 8/10.

Выносливость: 9/10.

Восприятие: 9/10.

Удача: 3/10.

Расовый параметр:

Интуиция: 6/10.

**Для расы людей 10 — максимально возможное природное значение. Первый барьер.*

Навыки Системы:

Игрок (F)

— **Интуитивно понятный интерфейс (F, 1/1)**

— **Справка (F, 1/1).**

— **Язык Системы (F, 1/1).**

Достижения и титулы:

— **отсутствуют.**

Имя и возраст совпадали. Я попытался приблизиться к таблице, но она оставалась на том же расстоянии. Хотел было нажать на строку — и снова вспомнил, что руки нет. Несколько секунд смотрел на собственное имя, пока не удалось собрать разбегающиеся мысли.

«Так. Справка. Она ведь здесь есть». Стоило подумать о ней — и я уже знал, как её открыть. Откуда взялось это знание, объяснить не мог. Попробовал — получилось.

«Что такое Очки Системы?»

Справка объяснила: ОС — жизненная и духовная сила. Их получают за убийство системным оружием или подходящим навыком, иногда — за выполнение миссий. Накопленный опыт повышает уровень; доступные очки можно тратить на способности.

До второго уровня требовалось двадцать ОС. А чем их добывать? Я снова пробежал глазами список: интерфейс, справка, язык. Боевых навыков пока не было.

«Если повысить силу, я действительно стану сильнее?»

Я выделил строку силы. Пояснение отвечало прямо: параметр меряет само тело. Значит, прибавка — не цифра в таблице, а настоящие мышцы и настоящий удар.

Я перешёл к живучести, но таблицу перекрыл новый запрос.

Внимание! Желаете сменить ник?

Да/Нет

(60, 59, 58...)

Секунды убывали. Я собрался, мысленно выбрал «Да» и пожелал убрать полное имя. Буквы исчезли. Я замер: даже после справки это выглядело дико. Таймер не останавливался, и я заставил себя заняться пустой строкой.

«Гром».

Я удержал это слово в строке и подтвердил выбор.

Системное Имя: Гром

Внимание! Желаете скрыть Истинное Имя?

Да/Нет

Выбрал «Да» и проверил: рядом с полным именем появилась пометка «скрыто».

Я попробовал свернуть таблицу. Она исчезла, оставив меня в пустоте. Поспешно вызвал обратно — и выдохнул бы, если бы было чем: имя, параметры, всё на месте. Уцепился вниманием за слово «Гром», переместился к справке, снова вернулся. Теперь хотя бы не придётся искать нужную строчку каждый раз.

«С этим разобрались. А дальше что?»

Я свернул справку и вернулся к основному окну.

Внимание! Выберите первоначальный навык (74%).

— **Малый магический дар (F, 1/5).**

— **Владение мечом (F, 1/5).**

— Владение кинжалом (F, 1/5).

— Владение топором (F, 1/5).

— Владение булавой (F, 1/5).

— Владение копьём (F, 1/5).

...

— Рукопашный бой (F, 1/5).

«Серьёзно? Прямо магия?»

Я задержался на строчке «Малый магический дар» и вызвал описание. Дар открывал «Мудрость», но заклинаний к нему не прилагалось. Я дочитал, помедлил и свернул справку. Очень хотелось увидеть, что это такое. Но сначала нужно было выбрать то, с чем я сумею выжить.

Я открыл описания меча, топора и копья. Во всех трёх Система обещала обучить обращению с выбранным оружием. Вот только проверять, быстро ли я освоюсь с незнакомым железом, скорее всего, будет некогда. Я нашёл рукопашный бой и развернул его описание. Здесь я хотя бы смогу сразу оценить, чему меня научили.

Я ещё раз посмотрел на копьё. Держать противника подальше от себя — хорошая мысль, особенно после сегодняшнего. Только я попробовал представить древко в руках — и понял, что не знаю даже, как его правильно взять. А привычка сблизиться останется. Полезу вперёд раньше, чем соображу, как пользоваться длиной оружия.

Рукопашный бой. К нему я вернулся уже без колебаний. Захотелось поскорее получить тело и проверить, чему меня научат.

Рукопашный бой

Ранг: F.

Уровень: 1/5.

Тип: навык.

Описание:

— Обучает пользователя рукопашному бою.

— Минимально адаптирует организм.

— **Бонусный навык: Последнее прикосновение (F, 1/5).**

Я потянулся к справке за бонусным навыком, но поверх неё всплыл таймер.

Внимание! Если вы не сделаете выбор в течение 5 минут, навык будет выбран случайным образом!

(300...299...298...)

«Да выбрал я уже, выбрал. Не гони лошадей».

Я снова выделил рукопашный бой, стараясь не смотреть на убывающие секунды.

Внимание! Вы желаете изучить навык «Рукопашный бой»?

Да/Нет

«Да».

Перераспределение...

Поток движений захлестнул меня. Я узнавал стойки, удары, повороты корпуса — и едва успевал следить за сменяющимися приёмами. Плечи и бёдра будто двигались сами, хотя тела я всё ещё не видел.

На одном выходе из захвата я задержался. Вместо привычного упора — короткая уступка давлению, шаг и разворот. Я попытался повторить его мысленно, поторопился с ногой — и движение развалилось. Вернулся к началу. На этот раз связка собралась: я оказывался сбоку от противника, готовый продолжить атаку.

Хотел попробовать ещё, но поток оборвался.

«Погоди. Ещё раз».

Я сосредоточился на последнем приёме, пытаясь вызвать повтор так же, как открывал справку.

Повторять мне никто не собирался. Пришлось восстанавливать движение по памяти: сначала шаг, затем разворот плеч. Я несколько раз прокрутил эту связку, пока не перестал путать порядок.

Внимание! Получен бонусный навык.

Последнее прикосновение

Ранг: F.

Уровень: 1/5.

Тип: навык.

Описание:

— Вы принадлежите к Системе. Прикоснувшись к умирающему врагу, вы можете получить 20% его жизненной силы.

Я вернулся к слову «умирающему». Значит, просто уложить противника мало. Перечитал условие, запоминая: прикосновение, двадцать процентов. Затем попробовал узнать, с кем предстоит драться, но Система уже начала перенос.

Инициация завершена. Перенос в Личную Комнату.

Я лежал на прохладном полу. Сразу потянулся под левую лопатку: кожа была целой. Надавил сильнее, пошевелил плечом. Боли не было.

Сел, поднялся на ноги и вдохнул — сначала осторожно, потом полной грудью. Получилось. Я провёл ладонями по рёбрам, проверяя себя, и огляделся.

Только тут заметил, что стою голый. Ни куртки, ни брюк, даже часы с запястья исчезли. Провёл большим пальцем по костяшкам правой руки, сжал кулак и разжал. Потом присел, коснулся пола ладонью. Камень слегка охлаждал кожу.

— Ну здравствуй, Егор Андреевич, — я прижал ладонь к груди. Сердце билось, под пальцами поднимались рёбра. Собственный голос разнёсся по комнате, и я улыбнулся, прислушиваясь к затихающему эху. Провёл ладонью по лицу, почесал щёку. Под пальцами зашуршала щетина. Я ещё раз глубоко вдохнул. Изнутри рвался крик на всю комнату, но наружу вышло только тихое, хриплое «охренеть». Покрутил плечами, потянулся вверх. Очень хотелось хорошенько размяться, до пота, чтобы окончательно поверить, что могу это сделать.

Каменная комната была просторной, примерно десять на десять метров. Светился весь потолок. В стене напротив темнел высокий проём, закрытый двумя каменными створками. Посередине шла узкая щель; ручек я не увидел. Другого выхода не было. Неподалёку от меня прямо в воздухе висела полупрозрачная сумка — ни крюка, ни верёвки.

Прежде чем подходить к сумке, я встал в стойку и сделал несколько шагов вдоль стены. Пол был ровный, ноги босые — удобно проверить себя.

Два прямых, уклон, короткий боковой. Разворот на опорной стопе, удар ногой, возврат. Я успел остановить пятку, не коснувшись стены. В старом теле после такой серии тянуло под правым коленом; сейчас нога вернулась свободно. Повторил быстрее и рассмеялся. Не пришлось сначала полчаса разогреваться, чтобы просто двигаться без помех.

Новое обнаружилось на выходе из воображаемого захвата. Я дал плечам уйти за рывком, переставил ногу и развернулся — теснее, чем делал прежде. В первый раз пришлось замедлиться, поймать непривычное положение стопы. Во второй я уже добавил удар и вышел в сторону. Хорошая добавка. И место для неё между привычными движениями нашлось сразу.

— Вот за это спасибо, — я ещё раз проверил поворот на другую сторону и опустил руки.

Я перевёл дыхание и подошёл к сумке. Сквозь неё просвечивал пол. Я осторожно взялся за ремень — кожа оказалась тёплой и шершавой. Ремень оттянул пальцы: у прозрачной вещи оказался вполне настоящий вес, и я едва не выпустил её от неожиданности.

— Да ладно... — я обхватил ремень крепче, повернул сумку боком. Пол сквозь неё больше не просвечивал. Я провёл пальцем по шву и только потом заглянул внутрь. Перевернул сумку и вытряхнул содержимое на пол: бельё, штаны, рубаху, куртку, пояс, сапоги, портянки, два отреза ткани, серебряную флягу и тонкую металлическую пластинку. Вызвал справку по сумке.

Бездонная сумка

Класс: F.

Статус: артефакт Системы.

Описание:

— Сумка новичка. Входит в базовый комплект, который выдаётся всем игрокам.

Свойства:

— Позволяет переносить между локациями (83%) системные предметы. Предметы, не принадлежащие к Системе, при переносе исчезнут.

— Скрадывает объём.

— В десять раз уменьшает вес хранимых предметов.

— Незначительно замедляет порчу хранимых предметов.

— Масштабируемость (1/7). Есть возможность улучшить путём объединения с идентичными предметами.

Я поднял флягу и попробовал вызвать справку так же, как только что для сумки. Появилось другое описание.

Вечная Фляга

Класс: F.

Статус: артефакт Системы.

Описание:

Фляга новичка. Входит в базовый комплект.

Свойства:

— Постепенно преобразует налитую в неё жидкость в объект Системы. Скорость преобразования зависит от сложности состава.

— Жидкость способна храниться дольше, не теряя своих свойств.

На краю поля зрения появился обратный отсчёт: двадцать пять минут. Быстро натянул бельё, штаны, рубаху и куртку. Одежда оказалась просторной, пришлось подогнать её ремешками. Намотал портянки, обулся, затянул пояс. Лямку сумки укоротил, чтобы она сидела высоко у бока. Попрыгал на месте и поправил сапог: ткань сбилась под пяткой. Теперь можно бегать.

Я поднял руки к лицу и несколько раз свёл локти, проверяя куртку. Под мышкой натянулось. Ослабил боковой ремешок, повторил движение — ткань перестала мешать. На груди нашлись плоские карманы; я сунул в один пальцы, ощупал дно. Пусто. Зато клапан закрывался плотно, мелочь не должна высыпаться при падении. Я поднял с пола металлическую пластинку — она лежала там, где раньше была куртка, — и повернул к свету. Провёл по краю большим пальцем и вызвал справку, как для фляги.

Универсальная оружейная карта.

Ранг: F.

Выберите тип оружия.

Перечень развернулся перед глазами. Я выбрал нож — короткий, чтобы носить близко к телу и резать верёвку. На пластинке проступил клинок. Стоило подтвердить выбор, как рукоять легла в правую ладонь, а пластинка осталась в левой; я от неожиданности сжал рукоять слишком крепко.

Нож.

Ранг: F.

Поглощение жизненной силы: 40%.

Сорок процентов. У прикосновения было двадцать. Я задержался на этих строках, потом осторожно повернул нож остриём от себя. Ни одного противника я ещё не видел; как подбигаться к нему с таким коротким лезвием, карта не объясняла. Руки сами просились к скулам, в привычную стойку.

— На ножах я не боец, — я опустил клинок и проверил большим пальцем, не скользит ли рукоять. — А верёвку резать пригодишься.

В описании карты нашлось хранение связанного оружия. Я коснулся пластинки, пожелал убрать нож — ничего. Попробовал ещё раз, представив, как клинок уходит в рисунок. Рукоять исчезла из пальцев. Я выругался от неожиданности, затем извлёк нож снова и повторил, уже ожидая исчезновения. Карту убрал под клапан на груди.

Пристегнул было флягу к поясу, шагнул — и она тут же стукнула о пряжку. Снял. Такое звуковое сопровождение мне точно не нужно. В руке она ощущалась непривычно тяжёлой, и я отвернул пробку.

Во фляге оказалась вода, хотя сам я туда ничего не наливал, с затхлым привкусом, будто простояла там не один день. Я сделал три глотка и заставил себя остановиться, хотя выпил бы всю: организм после сегодняшнего требовал жидкости, как после третьего раунда. Холодная капля скатилась по подбородку; я смахнул её, ещё секунду подержал флягу у рта — и всё-таки завернул пробку. Горло больше не саднило; даже говорить стало легче.

Я убрал флягу и приподнял сумку за ремень. Нахмурился, покачал на весу: почти ничего. Вытащил флягу и взвесил в другой руке, переводя взгляд с неё на сумку. Вроде бы только что прочитал описание, а всё равно не поверил, пока не проверил сам: в руке фляга тянула как положено, а в сумке становилась в десять раз легче. Сунул её обратно, запустил следом руку и нащупал горлышко. До воды можно будет добраться, даже не снимая сумки с плеча.

Я развернул сумку ближе к животу и ещё немного укоротил ремень. Прошёлся по комнате, проверил, не цепляет ли локоть. Сумка больше не мешала.

Я ещё раз прочитал ограничение переноса: обычные предметы исчезнут между локациями. Значит, случайную находку мало донести до выхода — нужно проверить, удастся ли её забрать с собой. Запомнив это, я проверил таймер и подошёл к каменным створкам.

Внимание! Выбор точки назначения невозможен! Испытание первое!

Строка вспыхнула, когда я положил ладонь на одну из створок.

Выберите уровень сложности: *Минимальный (F) / Лёгкий (E) / Нормальный (D) / Выше нормы (C) / Высокий (B)*

Чем выше уровень, тем выше награда.

По умолчанию была выделена минимальная сложность. Я перечитал пояснение о награде и выбрал следующую ступень — «Лёгкий». Выше пока не полез: сначала нужно увидеть противников и проверить себя в бою.

Внимание! Решение зафиксировано!

Задание №1

Тип: Выживание.

Информация:

Осколок (65%) Аллар-Тэн. Ваша миссия будет проходить на острове Керн. Портовый город Керн пал восемь лет назад по местному счёту; выжившие ушли в глубь острова, руины удерживают... идёт поиск аналога... падальщики (71%) и твари Хаоса. Приливы приносят к берегу новых существ. Осколок нестабилен, системный выход из локации закрыт до окончания испытания.

Количество игроков: 1000.

Глобальная цель:

Уровень сложности: С.

— Очистить портовый квартал и удерживать маяк Керна до конца испытания.

Награда:

— Вариативно.

Союзники:

— Уцелевшие жители острова.

— Союзные Игроки.

Предполагаемые противники:

— Существа Системы.

— Существа Хаоса.

— Враждебные Игроки.

Локальная цель:

Заявленный уровень сложности: Е.

— Продержаться минимум 720 часов.

— Получить 5-й уровень.

Награда:

— Бонус первой миссии: заработанные Очки Системы удвоятся.

— Повышение ранга Игрока.

— Координаты Осколка.

— Камень души.

— Временный доступ к Серверу.

Штраф за провал:

— Снижение статуса Игрока до статуса Героя (84%).

— Невозможность системного возврата в родовую локацию до выполнения глобальной цели.

Я разделил семьсот двадцать на двадцать четыре. Тридцать суток. Целый месяц, а воды всего одна фляга.

Провёл взглядом по условиям возврата, затем снова прочитал личную задачу. Нужен пятый уровень. Пока я даже не знал, сколько получу за первого противника.

Придётся искать воду, еду и место для сна. Я подтянул пояс, поправил сапоги и сумку, чтобы не мешали двигаться. Фляга была внутри, руки свободны.

Каменные створки разошлись. За ними вместо коридора стояла светлая пелена.

— Ладно. Ещё один бой, — я сунул в пелену руку по локоть, подержал и вытащил. Рука была на месте и даже не замёрзла. Тогда я шагнул вперёд.

На первом шаге сапог ещё встал на ровный пол комнаты. Следующий пришёлся на что-то неровное. Подошва съехала, колено подалось вперёд. Я выставил руку и удержался; сумка мотнулась на ремне и ударила меня в бок. Под ногой хрустнул черепок.

Я обернулся. За спиной светилась пелена, но ни створок, ни каменного проёма уже не было — только стена склада. Свет сжался в точку и погас. Я отступил на шаг, перехватив ремень.

Пахнуло морем и гарью. Под запахом водорослей чувствовалась вьёвшаяся в стены горечь пожарища. Где-то внизу волны тяжело разбивались о берег.

Я стоял в узком проходе между двумя длинными складами. Каменные стены поднимались метров на шесть, крыши местами провалились, и через прорехи в них падали косые полосы серого света. Под ногами — битая черепица, обломки досок, остатки того, что раньше было бочкой. Проход тянулся шагов на сорок в одну сторону, к светлому пятну выхода, и шагов на двадцать в другую, где всё было завалено рухнувшей стеной.

Я добрался до места, где над проходом ещё держался кусок кровли, и присел под ним у стены. Прислушался. Слева шумел прибой, наверху поскрипывало дерево. Рядом с плечом осыпалась каменная крошка; я отодвинулся и посмотрел на крышу.

Со стороны выхода тянуло ветром. Я поднялся и двинулся вдоль стены, ставя ногу на внешний край стопы и мягко перекатываясь, чтобы не хрустеть черепицей. Метров через пятнадцать проход сделал изгиб, и в просвете я на секунду увидел человека.

Далеко, в конце какого-то другого прохода, наискось. Мужчина в такой же серо-бурой куртке, как у меня, шёл быстро, пригнувшись, оглядываясь через плечо. Он меня, кажется, не заметил. Через мгновение его закрыл угол здания.

Крикнуть вслед я не успел. Дошёл до изгиба, но в дальнем проходе уже никого не было. Двинулся дальше к выходу: оттуда можно будет осмотреть улицу и поискать лестницу или другой подъём, чтобы оглядеться сверху.

До выхода оставалось шагов десять, когда за стеной склада закричала девушка.

Я остановился у стены. За ней что-то загрохотало, послышался гортанный голос. Затем металл звякнул о камень и проскрежетал по нему.

В стене не было ни окон, ни дверей. Я прошёл ещё несколько шагов, высматривая проход. Девушка закричала снова.

Я перехватил сумку и перекинул ремень через голову, убирая её за спину. До поворота оставалось несколько метров.

Я рванул вдоль стены и вылетел из-за угла.

«Это ещё кто такие?»

Глава 2

Два каких-то урода зажимали девушку у забитых ворот.

Ближний повернул ко мне остроухую голову. Ростом мне по грудь, кожа чёрная, в руке дубинка. Девушка шарахнулась от него, ударившись спиной о доски. Я шагнул вперёд:

— Эй, мелкий! Сюда смотри!

Девушка вскинула лицо. Молодая, растрёпанная, в такой же серо-бурой куртке, как у меня. Она закрывалась ладонями и мелкими шажками сдвигалась вдоль створки. У её ног лежал кинжал; она посмотрела на него и снова вжалась в доски, когда коротыш поднял дубинку.

Второй, у арки слева, тут же двинулся мне наперерез. Этот был шире в плечах, с кожаным наплечником поверх потёртого кафтана и коротким ножом в правой руке. Держался так, чтобы перекрывать выход на грузовую улицу. Я глянул на ближнего, вызывая справку. Над головой у него проступила красная строчка. Над вторым — ещё одна.

Гоблин. Уровень: 1.

Гоблин. Уровень: 2.

Гоблины? Живые, из книжки. Только чёрные, как головёшки.

Я забрал вправо, заставляя ближнего повернуться следом. Двор был небольшой, шагов двадцать в длину. Между мной и девушкой вдоль складской стены тянулась каменная разгрузочная площадка, по пояс высотой. Щербатый край, под ним разошедшиеся ящики, обручи от бочек и доски; над площадкой из стены выступал каменный козырёк. Справа от ворот оставался угол, где её можно было прикрыть.

Ножевик коротко пролаял что-то товарищу и ускорился. Ближний вскинул дубинку, но ещё колебался, переводя взгляд с меня на девушку.

Я коснулся клапана с оружейной картой, но доставать нож не стал. Как дерутся эти твари, я не знал, а ножом и с людьми-то драться не умел — ещё сам порежусь в свалке. Поднял кулаки к скулам. Этому меня хотя бы учили.

— За меня! К стене! — рявкнул я, показывая подбородком вправо, на слепой угол между воротами и складом.

Она дёрнулась от ворот. Гоблин с дубинкой попытался ударить её вслед — широко, от самого плеча. Девушка отшатнулась, зацепилась каблуком за обруч и села на камень. Дубинка со свистом прошла над ней и грохнула по доскам.

Я успел увидеть весь замах. И то, как он вытягивается за собственным ударом, и то, как долго тащит руку обратно.

— Эй! Я здесь!

Он повернулся, уже поднимая дубинку. Девушка осталась у него за плечом; я видел её лицо между чёрной рукой и воротами. Она зажмурилась, ожидая следующего удара.

Я оказался рядом раньше, чем гоблин закончил разворот. Он попытался махнуть поперёк, но дубинка ещё была за спиной. Плечо пошло отдельно, корпус запоздал. Слишком широко. На тренировке за такое заставляли начинать связку заново.

Левая мелькнула перед его глазами. Он вскинул свободную ладонь, и правая уже пришла сбоку.

Я вложился, как вкладывался на ринге, когда видел открывшегося соперника. Костяшки попали точно. Только голова под кулаком оказалась непривычно лёгкой. Челюсть хрустнула, из раскрытого рта брызнула тёмная кровь. Мелкий белый осколок звякнул о камень возле моего сапога.

Гоблина развернуло. Он врезался плечом в площадку, колени подломились. Дубинка торчала в руке, но пальцы уже разжимались. Я поймал его за ворот, чтобы не упал мне под ноги, и увидел лицо вблизи: рот съехал набок, кровь пузырилась на губах. Он коротко хрипнул и повис всем весом.

Девушка открыла глаза. Я уже смотрел поверх её головы на второго.

«Прикосновение».

Пальцы и так лежали у него на шее, над воротом. Я пожелал забрать силу, как было сказано в описании, и ладонь обдало теплом. Волна прошла к груди и растаяла раньше, чем я успел понять, что чувствую.

Внимание! Получено 1 Очко Системы.

Уровень: 1 (1/20 Очков Системы).

Я отпустил ворот. Дубинка стукнула о камень.

Второй гоблин задержался возле арки, глядя на тело. Потом перехватил нож остриём вперёд и двинулся к девушке. Она отползала вдоль ворот, оставляя на камне грязные следы ладоней.

Я заступил ему дорогу.

— Сначала со мной закончи.

Он коротко выкрикнул что-то и ткнул ножом. Далеко, вытянувшись всем корпусом. На лезвии блеснула полоска света, и я увидел выщербину у обуха — настолько близко оно прошло.

Я отступил ровно настолько, чтобы остриё не достало куртки. Он тут же потянул руку обратно, но передняя нога осталась на месте. Я шагнул следом за отдёргнутой рукой и ударил его ногой по бедру.

Сапог глухо хлопнул по ткани. Колено гоблина ушло внутрь; тот вскрикнул и развернулся ко мне боком, пытаясь удержаться. Нож ещё оставался у него в руке. Он повёл лезвием к моему животу — и сам подставил мне локоть.

Я прихватил вооружённую руку за предплечье. Дёргать её на себя не пришлось — он и так валился в мою сторону. Я встретил его коротким ударом локтя.

Попадание отдалось через всю руку. Голова мотнулась, тёмная слюна с кровью брызнула мне на рукав. Нож звякнул о плиту. Я удержал гоблина ещё на мгновение: ноги у него подгибались, затылок запрокинулся, он пытался вдохнуть и не мог.

Я дотащил его до стены и опустил на плиты, не снимая ладони с открытой шеи. Под пальцами ещё билось, быстро и неровно. Я пожелал забрать силу — как в первый раз.

Теперь я знал, чего ждать, и смотрел поверх его головы на арку, пока перед глазами возникали строки.

Внимание! Получено 2 Очка Системы.

Уровень: 1 (3/20 Очков Системы).

Гоблин затих. Я выпрямился, вернул руки к лицу и несколько секунд прислушивался. Из-за арки никто не появился. Сзади часто, со всхлипами дышала девушка.

Я оглядел костяшки пальцев, они у меня хоть и набитые долгими тренировками, но лишняя защита не повредит. Вызвал из карты нож и отхватил от куртки гоблина пару длинных полос ткани. Не эластичный бинт, конечно, но хоть что-то. Перемотал кисти, провёл двоекку

по воображаемому противнику и удовлетворённо выдохнул, ткань держалась, нигде ничего не тянуло.

До следующего уровня оставалось семнадцать очков. Я убрал сообщение и прошёл вдоль площадки, проверяя выходы. Арка выводила на грузовую улицу — пустую, широкую, заваленную битым камнем; метрах в тридцати её перегораживал рухнувший фронтон. Никого. Проход, из которого я выскочил, тоже был пуст. Окон в стенах нет — с ворот и с площадки двор просматривался целиком.

Девушка добралась до угла площадки и сидела, привалившись к её щербатому краю и подобрав колени. Она смотрела на меня и не двигалась.

— Живая? — я подошёл и присел в двух шагах, чтобы не нависать. Она вжалась затылком в каменный край. — Меня зовут Гром. Я не с ними. Ты ранена?

Она мотнула головой и зажала ладони между коленями. На пальцах засыхала кровь.

— Я не смогла.

— Ударить? — я кивнул на кинжал у ворот. Она проследила за моим взглядом и отвернулась.

— Мне же показали, там, у себя... как встать, как держать. Я всё помнила, — она попыталась сжать кулак, но пальцы тряслись. — А этот, с дубинкой, как кинулся на меня... Я шарахнулась, спиной о ворота приложилась — и кинжал выпал. А поднять я его так и не смогла...

— Понял. Тихо, не тараторь, — я протянул ей руку ладонью вверх, подождал. — Помнить мало. Мне тоже показывали. Первые полгода на ринге всё помнил где-то отдельно от рук.

Она подняла глаза, ещё раз посмотрела на лежащего гоблина.

— И ты тоже?..

— Замирал. И получал за это. Сейчас он до тебя не доберётся. Давай встанем.

Я подал руку ближе. Она вцепилась в неё обеими, поднялась и ещё несколько секунд держалась, пока ноги не перестали подгибаться. Потом отпустила и обхватила себя за плечи. На скуле ссадина, на колене разорвана штанина, ладони содраны. Кровь нигде не текла, но трясло её так, что стучали зубы.

— Пойдём под козырёк. Здесь из арки видно, — я подобрал кинжал, отвёл остриё в сторону и повёл её вдоль площадки. Она шла рядом, глядя под ноги.

Под козырьком я развернул сумку к животу, нащупал флягу и отвернул пробку.

— Пей. Немного, три глотка.

Она обхватила горлышко двумя руками. Первый глоток проглотила с трудом, на втором выдохнула через нос. Вернула флягу и вытерла губы запястьем.

— Кира.

— Гром, — я завернул пробку, убрал воду. — Я уже говорил, но со второго раза запомнится.

Она посмотрела на кинжал в моей руке. Я подал его рукоятью вперёд. Пальцы она сомкнула осторожно, затем поправила хват.

— Убери пока в карту. Не бегай с ним в руке, споткнёшься.

— А если... — она обернулась к арке, так и не убрав клинок.

— Если что — за меня. Я большой, за мной удобно.

Усмешка у неё вышла неровная, зато она перестала смотреть на выход. Достала карту, убрала кинжал. На пустую руку поглядела так, словно клинок ещё должен был быть там.

— Обратно достанешь? — я не торопил её. Кинжал появился, она сразу вернула его в карту.

— Достану. Только ударить...

— С этим разберёмся, когда найдём крышу. Карту не потеряй.

Она сунула пластинку в карман и застегнула клапан. Теперь хотя бы руки были свободны.

Над её головой зеленела подпись с уже знакомым именем. Я попробовал узнать, что означает цвет. Справка подтвердила: союзник. У тех двоих подписи были красными. Теперь понятно.

Дальше я занялся делом, поглядывая то на арку, то на проход.

Первый гoblin не дал ничего, кроме дубинки. Я взвесил её в руке и оставил: дрын дрын. Нож второго гоблина лежал у стены. Я поднял его за рукоять и попытался вызвать описание, но Справка не отозвалась. С виду обычная железка, слегка выщербленная у обуха, но заточенная. Режет верёвку, режет ткань, при большом желании режет и меня. Забрал как запасной: этой железкой можно ковырнуть щель или поддеть доску, не рискуя новым клинком.

А на поясе второго висело то, на что в драке я не обратил внимания. Знакомая сумка. Я снял её, осмотрел ремень и вызвал справку.

Бездонная сумка

Класс: F.

Статус: артефакт Системы.

Описание:

— **Сумка новичка. Входит в базовый комплект, который выдаётся всем игрокам.**

Свойства:

— **Позволяет переносить между локациями (83%) системные предметы...**

— **Масштабируемость (1/7). Есть возможность улучшить путём объединения с идентичными предметами.**

— Такая же, как у нас, — я положил сумку на площадку и развязал горловину.

— Откуда у него? — Кира подошла ближе.

— Может, снял с другого игрока.

Она замолчала. Я посмотрел в арку и подвинул находку так, чтобы разбирать её, не поворачиваясь спиной к выходу.

Внутри трофейной сумки оказалось немного: свёрнутый кусок грубой серой ткани, моток верёвки метров на десять, тонкой, но крепкой, и завёрнутые в тряпицу тёмные ломти чего-то сушёного. Я понюхал. Пахло копчёным и чем-то кислым. Есть я это не стал.

— Может, вяленое мясо, — Кира вытянула шею, принялась, но брать не стала.

— Может. А может, вяленый предыдущий владелец. Полежит, — я завернул ломти обратно и отложил свёрток. — Ладони покажи. И свою воду доставай: моей на месяц не хватит.

Она отдала мне флягу, протянула руки и поморщилась, когда я полил на ссадины. Я вернул ей флягу и дал чистый лоскут; Кира сама промокнула кожу, старательно обходя самое содранное место.

— Щиплет.

— Значит, живая.

— Я заметила, — она бросила на меня сердитый взгляд и принялась за вторую ладонь.

Хорошо. Уже отвечает.

Ещё в воздухе у щели между плитами у площадки, там, где упал второй, над ним висела полупрозрачная карточка. Металлическая, размером с игральную карту, без единого изображения. Стоило поднять — всплыло описание.

Чистая карта навыка

Ранг: F.

Описание:

— **Позволяет записать один из имеющихся у Игрока навыков, оплатив его полную стоимость.**

Я повертел её в пальцах, сравнивая с той, что была у меня и с той, что только что показала Кира. Внешне похожи, а назначение другое. Здесь предлагалось записать навык. Я сосредоточился на этой строке: судя по пояснению, запись потом можно изучить с карты. Интересно. Только сначала нужно разобраться с ценой и тем, что именно удастся записать.

У меня всего три очка. Тратить их, пока не разобрался с картой, я не собирался.

Карта отправилась в сумку.

— И последнее, — сказал я. — Ну-ка отойди на шаг.

Я выложил содержимое обеих сумок на плиту, флягу отставил в сторону: понятия не имел, что объединение сделает с тем, что внутри. Потом ещё раз открыл описание сумки и задержался на словах об объединении. Взял обе за ремни и свёл вместе. Ничего. Попробовал вложить одну в другую, одновременно желая их объединить. На этот раз появился запрос.

Желаете объединить предметы?

Да/Нет

Я выбрал «Да». Сумки потянулись друг к другу, как магниты. Полыхнуло тускло, беззвучно, ремни на мгновение расплылись — и в руках у меня осталась одна сумка. С виду точно такая же.

Бездонная сумка

Класс: F.

Масштабируемость (2/7).

Я проверил свойства: вес по-прежнему делился на десять. Изменилась только цифра — две из семи. Что произойдёт на семи, описание пока не объясняло.

И всё-таки я стоял и глупо улыбался. Ещё недавно у меня не было ничего, а теперь были верёвка, ткань, нож, карта и сумка, в масштабируемости у которой единица сменилась двойкой. Первое, что я в этом мире накопил.

— Твою не трогаем, — сказал я Кире, заметив, как она прижала свою сумку локтем. — Твоя — твоя.

Я убрал обе карты и флягу, оставив на плите свёрток с едой и верёвку.

— Какой у тебя уровень? — я протянул Кире оставшийся лоскут. Она забрала его, свернула и убрала в сумку, к своей фляге.

— Первый. Ноль из двадцати, — она смотрела мимо меня, в своё окно. — Доступных ноль.

— А задача? — я поднял с плиты свёрток с едой, уложил рядом с верёвкой и затянул горловину.

— Продержаться семьсот двадцать часов. И получить пятый уровень. У тебя так же?

— Точно так же, — я надел сумку и посмотрел в арку. На улице было пусто. — Держись со мной, пока не решим иначе. Драться за пять минут не научу. Сейчас главное — не отставать и слушать, если предупреждаю.

Кира подцепила большим пальцем клапан оружейного кармана и снова прижала его. Выходить я не торопил.

— Я убить не смогу. Даже такого.

— Сегодня и не надо. Найдём дверь, которую можно закрыть изнутри. Разберём вещи, поспим по очереди, а завтра решим, куда идти.

Я шагнул к краю козырька; она двинулась следом, на ходу убирая волосы с лица.

— Ты так спокойно говоришь.

— Про драку могу. Про всё остальное у меня столько же вопросов, сколько у тебя.

Она остановилась и потянула меня за рукав.

— Я видела сторожку. Там, — показала в арку, на грузовую улицу. — Когда меня гнали, я мимо бежала. Где стена поворачивает, там маленький каменный дом. Дверь толстая. И окно под крышей.

Я подошёл к арке и выглянул. Отсюда дом не просматривался, зато дорога до поворота была пустой.

— Внутри кто-нибудь был?

— Не знаю. Я не заглядывала, — Кира встала за моим плечом. — Там всё развалилось, подойти можно только с одной стороны.

— Покажешь. Идём.

Мы вышли через арку. Я шёл первым, держась ближе к правой стене, где обломки лежали плотнее и меньше гремели под ногами; Кира держалась в двух шагах позади, как я велел, и почти не отставала. Дважды она споткнулась о вывороченные плиты. Я придержал её за локоть и пошёл медленнее.

Улица была мёртвая. Колеи в камне, обугленные балки, вросшая в щели трава, справа — фронтон, рухнувший поперёк дороги. Пахло морем всё сильнее. За домами тяжело разбивались о берег волны. Где-то наверху скрипнула балка, посыпалась крошка. Кира подняла голову. Я первым перебрался через обломки фронтона, подал ей руку и показал безопасный край следующей плиты.

Мы дошли до поворота стены, о котором она говорила, и за поворотом открылась сторожка.

Маленькая, приземистая, из тёмного камня, в один этаж с чердаком. Крыша целая. Дверь — толстая, окованная полосами, слегка перекошенная, но на петлях. Под самым скатом — узкая щель окна. Слева всё завалено обрушившейся стеной соседнего строения, справа — обрыв в бывший подвал. Подойти можно только по узкой полосе плит, шириной в два шага.

«Идеально».

Только я так подумал — за дверью двинули что-то тяжёлое.

Кира схватила меня за рукав. Я шагнул вперёд, заслоняя её собой.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял гoblin. Этот был выше первых двух, почти мне по плечо, в кольчужной рубахе поверх кафтана, с плоским железным ободом на голове. На левой руке — круглый щит с обитым краем, старый, но целый. В правой — короткий тесак.

Гоблин. Уровень: 9.

Он не заорал и не бросился. Он посмотрел на меня, потом на Киру за моей спиной, потом снова на меня. Отступил за порог, поднял щит к подбородку и опустил тесак вдоль бедра. За его спиной темнела комната; места отойти хватало, а мне ещё предстояло пересечь открытый подход.

Он не собирался никуда идти. Он собирался держать эту дверь.

Я смотрел уже не на обитый край щита, а на толстые окованные доски за его плечом. На петли. На узкую полосу плит под ногами, по которой к нему можно подойти только в одиночку и только в лоб.

«Хорошая дверь. Именно такая, какая мне нужна».

— Кира, — сказал я, не оборачиваясь. — Назад на три шага, гляди по сторонам и стой. Гоблин перехватил щит поудобнее...

Глава 3

Девятый уровень.

Я ещё раз посмотрел на красную надпись. Гоблин не шевелился; тесак лежал вдоль бедра — оттуда он мог ударить снизу, не открываясь. Он ждал, когда я подойду. Не суетился, как те двое, не показывал лишнего.

Дверь открывалась наружу, влево. Её край упёрся в камень, оставив свободной правую часть подхода. Сам проём был шире щита: гоблин мог отступить внутрь, но разойтись с ним в дверях не получилось бы. Я остановился там, где плиты ещё позволяли свободно переставить ноги.

— Кира, у стены подожди. Оттуда не выходи.

Она прижалась к уцелевшему углу. Я поднял пустую ладонь.

— Нам бы переночевать. Непустишь?

Гоблин ответил двумя ударами тесака по обитому краю щита. Выждал и повторил. Звон прокатился между складами. Из-за поворота справа отозвались три удара; ещё дальше, со стороны моря, железо звякнуло снова.

— Понятно. Товарищей ждём.

Он чуть присел и повернул щит. Верхняя кромка прикрыла рот. Взгляд оставался на моих плечах.

Я обозначил шаг вперёд. Тесак показался из-за круглой доски и сразу исчез — короткое, экономное движение. Этому не нужно было размахиваться, чтобы достать. Я остановился вне досягаемости и посмотрел на плиту перед порогом. Ровная, без щебня. Нога не поедет. А сразу за порогом на полу темнела шкура — вот на ней поедет, если пятиться.

Гоблин следил за моими плечами и руками. У нижнего края щита блестела стёртая до дерева полоса. Этим щитом не только закрывались — им били. Он снова чуть повёл тесаком, коротко, прямо под мою переднюю ногу. Я убрал ногу, и клинок тут же вернулся под щит.

Этот умел ждать. Ему не требовалось догонять меня на улице — достаточно не пустить внутрь, пока на звон придут остальные.

Ясно, одной рукопашкой тут не отделаешься, но мне понадобится крепкий уверенный хват, если не снимать полосок ткани с кистей. Я коснулся карты под клапаном, извлёк нож и оставил пластинку кармашке. Пару раз перекинул нож из руки в руку, проверяя за обух другой рукой, насколько хорошо нож фиксируется в ладони. Моих Силы и Ловкости достаточно, чтобы нож твёрдо лежал в руке, а перекидыванием из руки в руку я отвлеку гоблина. С теми двумя во дворе мне хватило рук; здесь сначала придётся заставить его отвести щит. Нож под конец проверки держал справа, низко, остриём от своего бедра.

Гоблин сразу же заметил клинок и отреагировал. Верх щита опустился чуть ниже, прикрывая живот. Он не отвёл тесак, не забыл про меня, но вес собрал на задней ноге — готовился встретить моё сближение.

Я качнул левым плечом. Щит дёрнулся вверх, возвращаясь к лицу. Я уже шагнул на ровную плиту и поднял колено.

Пятка пришла в середину доски. По подошве прошла жёсткая отдача; я вытолкнул ногу, вкладывая корпус вперёд. Щит грохнул гоблина в грудь. Тот отступил, пытаясь поймать равновесие, но задний сапог попал на ту самую шкуру, и она поехала по камню.

Гоблин рухнул на спину. Воздух вырвался из него с таким звуком, будто наступили на меха. На едва приподнятой морде его появилось знакомое по боям без правил выражение потёрянности, глаза закатились. Кольчуга заскрежетала по полу, тесак стукнул справа, оставаясь в руке.

Я уже был за порогом. Щит перекосялся поперёк груди; из-под него гоблин пытался поднять голову. Я прижал его вооружённое запястье сапогом и левой отвлёл край щита. Он оскалился, рванулся навстречу — широкий обод на голове защищал лоб и виски, но лицо ниже оставалось открытым.

Я ударил ножом. Клинок вошёл под скулу, ладонь дёрнуло. Гоблин хрипнул, выпуская кровь через зубы; пальцы на тесаке разжались. Я держал нож, пока запястье под сапогом не обмякло. Так... и где?! Где мои честно заработанные Очки Системы?! Прошла секунда, вторая - и ничего... Я запросил справку на нож. Да, Системный...

В недоумении я коснулся голым пальцем конца рукояти ножа. По нему из рукояти в ладонь наконец-то прошла горячая волна. Я отнял нож и отступил, пока появлялись строки.

Внимание! Получено 18 Очков Системы.

Внимание! Вы достигли второго уровня!

Уровень: 2 (1/40 Очков Системы).

Получено 2 свободных очка параметров.

Восемнадцать. При двадцати процентах прикосновения за такого вышло бы девять. Два свободных очка параметров я пока трогать не стал: сначала пойму, чего мне не хватает. Я коснулся карты и убрал клинок. Теперь надо учитывать, что Очки Системы передадутся от оружия к владельцу лишь только если между ними нет препятствия. Кровь осталась на камне; пустую ладонь я сжал и разжал, ещё чувствуя тепло.

Я отодвинул ногой тесак, выпавший из руки хозяина сторожки — теперь уже бывшего.

— Кира, ко мне. Здесь, за косяком.

Она пробежала по плитам и остановилась на пороге. Посмотрела на лежащего хозяина, перевела взгляд на меня.

— Ты его...

— Убрал. Смотри на улицу. Если появятся — сразу внутрь, за лестницу. Кричи, я услышу.

Я отступил от входа, давая ей защищённое место у стены, и обошёл комнату. Холодный очаг был слева, справа стол на козлах; под ним ящик с обрезками. Дальше шла низкая лежанка, за ней начиналась крутая лестница. Я приподнял край шкуры на лежанке. Пусто. Возле очага стояли кадушка и глиняный кувшин, над ними висела закопчённая ложка.

— Никого, — сказала Кира, — там, на улице.

— Хорошо. Ещё минуту.

На чердаке пришлось пригнуться под балкой. У печной трубы лежала старая сеть, у дальней стены громоздились мешки. Я отодвинул верхний ногой; из прорехи высыпалась сухая шелуха. За мешками никого. В щель под фронтоном было видно развилку, от которой мы пришли, и улицу, уходящую к морю. Оттуда пока не шли.

Я спустился, взял хозяина под мышки и оттащил от прохода к очагу. Кира отвернулась, прижав пальцы ко рту, но с места не сдвинулась.

— Сейчас дверь закроем.

Она помогла убрать мелкие камни с порога. Я приподнял свободный край полотна, потянул внутрь. Нижний угол всё равно проскрежетал по плите. Брус нашёлся у стены. Я продел его через две железные скобы на внутренней стороне двери и задвинул концами в гнёзда по обеим сторонам проёма. Левый костыль шевельнулся в кладке.

— Вот сюда деревяшку. Из ящика.

Кира протянула клин. Я загнал его рукоятью трофейного ножа между железом и камнем, проверил запор плечом: костыль старый, но держит.

Кира села на край лежанки, спрятав ладони под бёдра. Следила за тем, как я проверяю брус.

— Он же позвал.

— Слышал. Сверху и посмотрим, кто придёт, — я отступил от двери и взялся за край шкуры, на которой лежал хозяин. — Дай вон ту, с лежанки. Завернём его.

Она поднялась и стащила шкуру, держась за угол. Подошла на шаг, оставила возле меня и отвернулась к столу. Я снял с хозяина обод и кольчугу, положил рядом. Под кольчугой обнаружился пояс с кошелём.

— Подвинь кувшин, — попросил я, подтягивая завернутое тело к очагу. Кира убрала посуду с дороги и тут же вернулась к столу.

В кошеле звякнули монеты. Вместе с ними на ладонь легла пластинка с изображением сжатого кулака. Под ней зацепился за подкладку короткий латунный ключ с трёхгранным стержнем. На плоской головке была выбита волна. Я отцепил его от подкладки и бросил обратно в кошель, чтобы не потерять: сейчас меня больше занимала карта.

— Что там? — она потянулась посмотреть уже без страха, когда я подошёл к столу.

— Карта. Другая.

Я ссыпал монеты на доски, положил рядом пластинку.

Надпись возникла, когда я сосредоточился на рисунке.

Боевые перчатки «Костоломы».

Ранг: Е.

Тип: системное оружие.

Поглощение жизненной силы: 50%.

Хранение связанного оружия.

Я перечитал название и невольно усмехнулся.

— Ну надо же. Вот это мне подходит.

— Хорошее? — Кира наклонилась над столом, не трогая карту.

— Сейчас посмотрим.

Я извлёк оружие. В руки легла пара тёмных перчаток с короткими пальцами. Над костяшками — округлые металлические накладки, на ладонях кожа. Разложил их на столе, расстегнул правую и натянул. Кира придержала вторую, чтобы не соскользнула с края, пока я затягивал ремешок.

— Он в них дрался? — она провела пальцем по накладке и оглянулась на шкуру у очага.

— Нет. Карта в кошеле лежала. Может, снял с кого-то. Дай левую.

Она подняла перчатку и подала раскрытой манжетой ко мне. Пальцы вошли свободно, ремешок позволил стянуть кожу по запястью.

На металле были царапины. На левом ремешке темнел старый надрыв, прихваченный грубой нитью. Чья-то вещь. Гоблин предпочёл свой щит и тесак (скорее всего, не было подходящего навыка), а мне находка подходила гораздо лучше.

Я сделал шаг от Киры и медленно свёл кулаки к лицу. Прямой, боковой. Накладки не цепляли друг друга. На третьем движении привычно дотронулся до брови и остановился: так разбить себе лицо можно уже без всякого противника. Отвёл кулак чуть дальше, повторил.

— Смотри, — я раскрыл ладонь, снова сжал. — И ударить можно, и держать.

— А нож?

— Пусть будет. Но этими мне привычнее.

Пятьдесят процентов против сорока у ножа. За первых двоих я получил три очка, за хозяина — сразу восемнадцать. Перчатки обещали больше и позволяли драться привычным способом. Проверять это на двери или на стене смысла не было. Я тронул карту открытыми кончиками пальцев и убрал перчатки — они исчезли прямо с рук. Вызвал обратно: легли в ладони, а не на них. Надевать и затягивать всё равно пришлось самому.

Значит, перед боем надеваем заранее.

Карту сунул в левый нагрудный карман отдельно от ножевой. Справа нож, слева перчатки. Кира наблюдала за мной, и плечи у неё понемногу опускались.

— Ещё лучше бы никто не пришёл, — сказала она.

— Согласен. Пойдём посмотрим.

Хозяина, завернутого в шкуру, пока оставили под стеной возле очага. Я поставил его щит и тесак у входа, перенёс туда же обод и снятую кольчугу. Монет оказалось семь: пять маленьких и две покрупнее; разбираться в них будем, когда встретим того, кто принимает деньги.

Кувшин возле очага был на треть полон.

— Из этого пока не пей, — сказал я. — У нас свои фляги. Потом вскипятим.

Кира достала свою и отпила по дороге к лестнице. Поднялась следом за мной, пригнулась там, где я коснулся балки ладонью.

— Вот через тот фронтон мы лезли, — я присел у щели и подвинулся, пропуская Киру к окну. — Правый поворот. А левый уходит к воде.

Она приложила ладонь к краю проёма, наклонилась, ловя другой угол обзора. Над крышами, там, где левая улица уходила к воде, темнела башня.

— Это маяк?

— Похож. Тот, который в задании.

— Нам туда? — Кира отняла лицо от окна и посмотрела на меня.

Я подтянул мешок, смахнул с него пыль и сел боком, оставив ей место.

— Не сейчас. Ночь сначала переживём.

Она опустилась рядом, но вскоре снова привсталала. Пыталась заглянуть вдоль стены, сначала с одной стороны, потом с другой.

— Сзади ничего не видно.

— По камням могут на крышу забраться. Здесь только слушать. Если полезут, сразу спускайся.

Кира обернулась к лестнице и поставила флягу между ног, чтобы не укатилась.

— А внизу куда?

— За лестницу, к стене. От двери тебя там не видно.

Она провела ладонью по запylённому мешку, устроилась удобнее. Сквозь крышу ещё шло дневное тепло. Внизу была дверь, которую мы закрыли сами. После белой пустоты мне нравилась даже эта пыль.

— Ты пока здесь? — спросила Кира, не отрывая взгляда от улицы.

— Здесь.

Я вытянул ноги, опершись плечом о стену. Она подтянула колени, наклонилась к щели — и вдруг потянула меня за локоть.

— Люди. Вон, справа.

Из правого прохода появились двое. Крупный, с мечом, тащил второго, закинув его руку себе на шею. Тот цеплялся за него, едва ставя правую ногу. Куртки, сумки — как у нас. Над головами зеленели подписи.

А позади вышли трое гоблинов.

Один нёс копьё поперёк груди, другой бежал с дубинкой, третий, в кожаном жилете, держал короткий тесак. Они догоняли. Мечник оглянулся, попытался остановиться, но товарищ повис у него на руке. Пришлось снова тащить.

— Вниз. Заберу их к нам.

Мы спустились. Кира сама ушла за лестницу, освобождая проход. Я вынул брус, поднял край двери и открыл.

— Сюда! — крикнул я с порога. — К дому!

Мечник вскинул голову и потянул раненого к нам. Я вышел ему навстречу по плитам. У развилки проход расширялся: там можно было разойтись, не рискуя свалиться в подвал. На этом пятачке я и остановился.

— Внутрь. Девушка поможет.

— За нами трое!

— Вижу. Иди.

Мужчина протаскивал товарища мимо меня. Я перехватил раненого с другой стороны на последние два шага, помог ему встать у косяка и вернулся к развилке. Кира уже тянула из комнаты табурет.

Гоблин. Уровень: 2.

Гоблин. Уровень: 2.

Гоблин. Уровень: 3.

Первым добежал тот, что с дубинкой. Он перескочил обломок и ударил, даже не остановившись. Широкая дубовая головка прошла перед лицом, дёрнула воздух у уха. Я убрал голову с линии и шагнул навстречу, пока он ещё волочил за ударом плечо.

В этот раз по скуле пришлось не голые костяшки, а металлическая накладка. Звук получился короткий и мокрый. Лицо гоблина дёрнулось, кожа над щекой лопнула. Он ещё пытался пробежать мимо — ноги сделали шаг, хотя голова уже откинулась. Потом тело сложилось и ударилось о плиты у моего сапога.

На перчатке осталась тёмная полоска. Я успел увидеть её и снова поднял глаза: копьё уже шло поверх падающего.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 2 (6/40 Очков Системы).

Пять. Работают.

Копейщик остановился за упавшим. Наконечник пошёл вперёд, прикрывая товарища с тесаком. Я сместился к краю завала, заставляя их повернуться. Ударить разом, вдвоём, им мешало тело на плитах. Копейщик переступил через него, слишком широко поставив переднюю ногу.

Слева, за поворотом, снова звякнуло железо. За краем стены мелькнуло движение. Я глянул туда лишь на миг: копьё было ближе.

Гоблин уже доворачивал наконечник вслед за мной. Я ударил сапогом по древку сбоку; остриё ушло от живота, но скользнуло выше манжеты перчатки. Ткань куртки сухо треснула, предплечье обожгло тонкой полосой.

Я входил за уходящим остриём. Гоблин попытался отскочить и вытянуть копьё обратно, но пяткой задел лежащего товарища. Древко дрогнуло. Я прижал его левой к кожаному кафтану копейщика, а правой ударил в лицо.

Нос провалился под металлической накладкой, кровь плеснула на ворот. Он обмяк сразу, выпустив копьё. Я отвёл падающее тело от своих ног и отпустил древко. Из разреза на рукаве едва проступило маленькое тёмное пятно, но пальцы держали крепко, рука работала.

Тесачник уже обходил меня по улице. Я повернулся следом, не давая ему оказаться за плечом.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 2 (11/40 Очков Системы).

Я убрал сообщение, не отводя взгляда от последнего. Этот ещё стоял на ногах — и с тесаком.

Тесачник был осторожнее. Он не полез за упавшими, держал между нами расстояние и оглядывался в левый проход.

Оттуда донёсся звон.

Я тоже услышал, но взгляда с него не снял. Он отступил ещё, приглашая за собой. Доски под его сапогом, узкая полоска тени у стены — этот кусок улицы я проходил сам, когда шёл к сторожке. На ровном месте достану раньше, чем он успеет размахнуться.

Я показал движение вправо, а сам резко шагнул влево. Гоблин повернул тесак за первым движением. Увидел, что ошибся — его глаза метнулись обратно ко мне, а рука ещё шла в другую сторону.

Я ударил ногой в бок. Сапог вмял кожаный жилет, воздух вылетел из гоблина сиплым вскриком. Его развернуло к стене. Свободной рукой он попытался закрыть голову, тесак оттянул к бедру — ещё собирался резать.

Я не дал ему развернуться. Левая сбила поднятую ладонь, правая вошла сбоку под край защиты. Ухо сплющилось под накладкой, голова стукнула о камень. Гоблин мазнул пальцами по стене, оставил тёмный след и сел. Тесак соскользнул с колена.

Я отступил от лезвия, выпрямился и только тогда посмотрел на левый поворот.

Внимание! Получено 7 Очков Системы.

Уровень: 2 (18/40 Очков Системы).

Теперь из левого прохода вышли гоблины.

Двое, ещё трое. Я отступил к дому, считая. Копья, щиты, над головами топор на длинной рукояти. Ещё четверо растянулись за ними, и последний вывернул из-за угла, что-то крикнув передним.

Десять.

Мечник стоял у двери, высунувшись ко мне.

— Иди сюда! — крикнул он.

— Уже.

Я отступал лицом к подходящим. До дверей было несколько шагов, а им ещё требовалось пересечь развилку. Увидев тела у моих ног, они загудели и стали подгонять друг друга.

— Кира, брус! — я нырнул внутрь, ухватился за край двери и кивнул мечнику. — Помоги закрыть!

За нами дверь встала в косяк. Кира подала конец бруса, мы загнали его в гнёзда. Снаружи забарабанили шаги. Кто-то столкнулся с полотном, железо царапнуло доски.

Мечник повернул ко мне широкое мокрое лицо:

— Это ещё кто?

С улицы трижды ударили по щиту — тот же размеренный звон, который я слышал со стороны моря.

— Вот теперь, — сказал я, подхватывая доску к расшатанному гнезду, — пришли все...

Глава 4

— Матвей, — сказал мечник; то же имя зеленело у него над головой. — Доску куда?

— Под брус, верх к стене прижми, — я придержал доску, пока он перехватывался удобнее. — А я Гром.

Он поставил доску торцом на пол и навалился плечом. Я проверил другой конец запора: держался. Снаружи в дверь ткнули несколько раз, пробуя, затем заговорили.

— Денис, — отозвался раненый с табурета. — Ты там десять насчитал?

— Десять.

— Твою ж...

Правая нога Дениса почти не сгибалась; он осторожно поддерживал колено обеими руками. Худощавый, с острым носом, тёмные волосы прилипли ко лбу. Стиснув зубы, он позволил Кире переставить табурет ближе к очагу.

— Кира, подтащи к Денису ящик с обрезками и поднимайся на лестницу, — сказал я. — Следи за верхом и окном. Денис, будешь подавать, какие попрошу.

Она взялась за перекладину и поставила ногу на высокую ступень. Куртка задралась, широкие штаны натянулись на бёдрах.

«Ничего себе задница. Даже этот балахон не спрятал».

Я отвернулся к двери и поймал Матвея на том же занятии. Он провожал Киру глазами и медленно облизывал нижнюю губу. Заметил меня, коротко усмехнулся и снова подставил плечо под доску.

«Ну-ну. Запомню».

— На крышу полезут? — Кира остановилась на ступеньке, заглядывая в тёмный проём над собой.

— Могут. Услышишь что-нибудь — зови. Даже если не уверена.

Снаружи по дереву скребнуло железо. Я повернулся к двери.

Матвей поправил подпорку. На большом пальце у него был обломан ноготь, кровь на костяшках уже подсохла.

— Те трое за вами — тоже на звон шли? — спросил я.

— На звон, — он кивнул за дверь. — Мы за телегами сидели, пережидали. Четверо вышли из прохода, один ответил на звон — железкой по копыю. Потом все повернули сюда и нас увидели.

— Мне по колену древком, — добавил Денис. — Я сел. Матвей одного между телегами достал, остальные обошли, пришлось уходить.

Матвей подался плечом под подпорку и посмотрел на щит хозяина у стены.

— Если держать придётся, давай его сюда. Мечом за ним достану.

Я прислонил щит к стене у его ноги.

— Тогда дверь твоя. Только скажи, прежде чем полезешь наружу.

— Куда тут полезешь, они под самым носом.

По двери ударили топором. После тычков и скрежета звук стал другим, тяжёлым: дерево треснуло, из нижней доски вылетела щепка. Матвей прижал подпорку. Второй удар пришёлся почти туда же.

Я присел сбоку от щели у пола. Ноги на плитах заслоняли друг друга. Ближе всех сапоги топорщика, за ними двое с копьями; дальше теснились остальные. В дверь им было удобнее лезть по одному, но стоять и ждать они не собирались. Один отступил к завалу, второй присел возле края подвала, заглядывая вниз.

Я приподнялся к трещине между досками. На миг в ней показалось лицо топорщика, над ним проступил четвёртый уровень. Он снова поднял топор, и я отпрянул.

— Рубит слева внизу. Стой правее, Матвей.

Денис протянул мне ещё один обрезок. Я опустил его под дверь, но следующий удар сдвинул полотно и выбил деревяшку обратно.

Надолго запора не хватит.

Я поднялся от щели. Матвей попробовал ослабить плечо; подпорка сразу скрипнула, и он снова навалился на неё.

Топорщик отступил, сменяясь с двумя другими. Через щель я увидел крюк на древке. Его завели за наружную скобу, потянули. Дверь пошла на себя и остановилась на брус. Матвей выругался: левый костыль двинулся из кладки.

За крюк тянули двое. Третий держал копьё между ними. Остальные торчали позади, ища место, откуда можно достать нас.

— Матвей, план такой, — я присел рядом и подхватил подпорку, давая ему перехватиться. — Выйду через крышу, зайду им сбоку. Когда отвернутся от двери, выходи и бей мечом.

Он упёрся удобнее, посмотрел на лестницу.

— Через крышу как?

— По завалу спущусь. Только сам далеко не уходи: своего у порога закончил — снова за косяк.

Дверь дёрнулась. Мы оба нажали на доску, и костыль со скрипом вернулся к стене. Матвей прижал щеку к плечу, вытирая пот о куртку.

— А как я пойму, что ты вышел?

— Крикну. Раньше не открывай, — я понемногу ослабил нажим, убедился, что он держит один, и отодвинул щит ближе к его колену.

Матвей подцепил щит свободной рукой, поставил рукоятку к себе.

— Понял. Иди.

— Гром! — Кира показывала вверх. — Здесь сыплется!

На её рукаве белела крошка. С верхней ступени скатился обломок черепицы. Топор ударил снова, а в паузе я услышал скрежет над потолком, справа от трубы.

Тот, что уходил к завалу, залез на крышу раньше, чем я успел до неё добраться.

— Вот и проход делают, — я поднялся. — Кира, к Денису. За камнями очага сядьте, подальше от лестницы.

Она слезла, пропуская меня, и помогла Денису опуститься с табурета на пол. Матвей смотрел на потолок.

— Если там двое?

— Увидим.

По лестнице я поднялся тихо, ставя ногу ближе к стене. Над трубой черепица двигалась при каждом ударе топора; гoblin старался разбирать крышу под грохот снизу.

За трубой я устроился на одном колене. Проверил ремни перчаток и замер.

В просвете показались пальцы. Плитка сдвинулась, стукнула о другую. Гoblin навалился на обрешётку; подгнившая рейка треснула. Он сломал вторую, освободив место между стропилами, и просунул короткое копьё.

Я увидел его голову — второй уровень. Он положил оружие на балку, повернулся и начал спускаться ногами вперёд. Держался за целое стропило, нашаривал опору носком.

Гoblin повис на руках. Одна подошва скребла по трубе, другая искала балку. Я видел грязь на сапоге, обрывок верёвки вместо ремешка и его открытую спину. Он ещё не знал, что я рядом.

Я вышел из-за трубы и рванул его за голень в сторону. Руки сорвались со стропила. Гоблин ударился боком о доски, выбив облако пыли; копьё подскочило на балке и покатилося к пролому.

Он попытался перекатиться к оружию. Я придержал плечо коленом. Гоблин вскинул голову, открывая рот для крика, и удар перчаткой оборвал звук. Зубы щёлкнули. Голова откинулась и глухо ударилась о пол.

Я отпустил его плечо, когда перчатка нагрелась. В пыли рядом с лицом быстро темнело пятно. Снизу снова грохнул топор.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 2 (23/40 Очков Системы).

Снизу заорал Матвей:

— Доску пробил!

— Я наверху! Ещё немного!

Через пролом было видно серое небо. Между двумя целыми стропилами как раз хватало места, чтобы протиснуться боком; сумку я сдвинул за спину, чтобы не цеплялась. Я отогнул торчащий обломок рейки, встал ногой на балку и высунул голову.

Топорщик рубил, прикрывшись от окна щитом; судя по тому, как под него подстраивались остальные, он у них был за старшего. За ним копейщики ждали, когда развалится дверь. Справа двое стояли возле подвала; один держал пращу, второй — дубинку. Слева, у подножия завала, возился ещё один — тот, что подсаживал на крышу гоблина, которого я только что уложил. Два гоблина с крюком отошли, освобождая место топору. Последний, с тесаком, смотрел в узкую щель под фронтоном.

Девять внизу. Больше на крышу пока никто не полез.

Из пролома я вылез осторожно. Черепица похрустывала под сапогами, и шаги приходилось подгадывать под удары топора, чтобы хруст тонул в грохоте. Лёг на скат животом, нащупал ногой верхний камень завала. За край стропила я держался голыми кончиками пальцев, торчавшими из перчаток; порез на предплечье потянуло, но хватка не ослабла. Когда обе ноги встали на завал, я отпустил крышу.

Тот, что стоял внизу, услышал, как посыпалась крошка. Задрал голову и шагнул от завала, пытаясь вытащить нож. Я уже добрался до нижнего уступа.

Спрыгнул на свободную плиту, согнув ноги при приземлении. Камень под сапогами не качнулся. Гоблин отступил ещё, клинок только выходил из ножен. Я ударил ногой в живот — он согнулся, выпустив воздух, и сам подставил голову.

Перчатка пришла снизу. Удар разогнул его и отбросил назад. Он ещё держал рукоять ножа, когда повалился затылком к камням. Я отступил от падающего тела.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 2 (28/40 Очков Системы).

Теперь меня увидели остальные.

— Матвей! — крикнул я, отходя от стены. — Здесь!

Тесачник повернулся первым и показал на меня оружием. Ближний копейщик отступил от двери, опуская наконечник; второму мешал топорщик. Тот ещё не понял, что происходит, и сделал очередной замах.

Дверь за ним распахнулась. Точнее, то, что от неё осталось: нижние доски держались на щепках, верхняя петля выскочила. Полотно повисло косо, и Матвей выдвинул из-за него щит.

Один из гоблинов с крюком оказался к нему спиной. Матвей шагнул из-за щита и всадил меч ему между лопаток. Гоблин выгнулся, схватился за воздух обеими руками. Матвей выдернул клинок; кровь хлестнула по короткому кафтану. Он рухнул на колени и завалился перед дверью. Второй бросил крюк и развернулся к двери, заставляя Матвея спрятаться.

Копейщик передо мной сделал выпад. Я сместился к завалу, увёл остриё за собой и оказался у него сбоку. Короткое копьё цеплялось древком за товарища. Гоблин оглянулся, пытаясь освободить его, и я прижал вооружённое предплечье левой. Правая пришлось в висок. Гоблин качнулся, как подпиленный; я отпустил руку, и он сполз на камни, увлекая копьё за собой.

Внимание! Получено 7 Очков Системы.

Уровень: 2 (35/40 Очков Системы).

Топорщик наконец повернулся и пошёл на меня, бросив дверь. Пращик тоже нашёл меня и раскрутил ремень над головой. Я присел за выступ кладки — камень ударил в стену, крошка посыпалась на плечи. Топор прошёл над выступом, не доставая.

— Ну, чего стоишь! — Матвей снова показался в проёме и ударил мечом по щиту старшего. — Иди сюда!

Гоблину пришлось прикрыться. Из-за выступа я выскользнул прямо к тому, кто бросил крюк. У него был нож, но он всё ещё смотрел на Матвея. Увидев меня рядом, ткнул наотмашь. Я отступил от лезвия и ударил ногой в бедро. Он согнулся, выругался своим щёлкающим голосом, попытался поднять нож. Я шагнул вплотную и коротко ударил в челюсть. Щёлкнуло уже по-другому — твёрдо, где-то у него в черепе. Гоблин обмяк, на губах выступила кровь. Нож упал, звякнув у крюка.

Внимание! Получено 5 Очков Системы. Внимание! Вы достигли третьего уровня! Уровень: 3 (0/60 Очков Системы). Получено 2 свободных очка параметров.

Системное окно закрыло часть прохода. Я смахнул его и вернулся к стене. Напротив оставались пять: топорщик, второй копеечник, тесачник, пращик и гоблин с дубинкой. Они уже не теснились к двери. Тесачник отступал к порогу, пытаясь держать в поле зрения нас обоих; копьё прикрывало старшего со стороны улицы.

Топорщик что-то рявкнул. Гоблин с дубинкой (третий уровень, я успел увидеть надпись) побежал к Матвею, прикрыв голову свободной рукой. Пращик отвёл ремень: стрелять поверх своего он не рискнул.

Матвей выдвинул щит. Дубинка грохнула в середину доски. Матвей выдержал толчок и ударил из-за края щита. Меч вошёл гоблину в бок; тот дёрнулся, захрипел и прижал свободную руку к лезвию. Матвей оттянул клинок. На камень потекло, дубинка выпала из ослабевших пальцев. Гоблин упал поперёк порога. Матвей сразу отступил внутрь, пропуская тело, и не стал бежать ко мне через открытую полосу.

Хорошо. Всё, как договорились.

Оставшийся копеечник, второго уровня, держал остриё у моей груди и разворачивался вместе со мной. Я шагнул вправо, к краю подвала, но остановился, не дойдя до обрыва. Он перенёс вес на переднюю ногу. Я ударил по древку снизу и тут же оказался ближе, вцепившись в его рукав голыми пальцами. Копьё торчало над моим плечом. Я ударил левой в скулу. Голова мотнулась. Гоблин ещё пытался выдернуть рукав, но колени уже подогнулись. Я отпустил его; копьё ударилось о камень и легло поперёк тела.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 3 (5/60 Очков Системы).

Тесачник, третий уровень, метнулся ко мне через тело. Я отступил, заставляя его сделать ещё шаг и отвернуться от двери. Матвей вышел из-за косяка. Тесачник услышал его и начал разворачиваться, но меч уже вошёл под рёбра. Из открытого рта вырвался сдавленный крик. Гоблин дёрнулся к Матвею, вцепился в его руку на окровавленной рукояти, но Матвей отступил и вырвал клинок. Тесак упал первым. Гоблин завалился следом и остался на боку, широко раскинув пальцы.

Матвей попятился к порогу. Топорщик кинулся следом, не давая ему задержаться снаружи; топор ударил по краю щита, срезал длинную щепку. Я шагнул вперёд — и камень пращи щёлкнул у меня под ногами.

Пращник отступил к развилке и полез в мешочек за следующим камнем. Я двинулся вдоль выступа стены; ему пришлось менять угол, чтобы не попасть в старшего. Пока он раскручивал ремень, я прошёл половину расстояния. Он пустил камень раньше, чем хотел. Тот ушёл высоко, задел угол дома.

Я уже был рядом. Гоблин бросился прочь, к правому повороту, и упёрся в обвалившийся фронтон — тот самый, через который мы перелезали с Кирой. Он схватился за первый уступ. Я догнал и потянул его за плечо. Он обернулся с пращей в руке, поднял ремень перед лицом. Перчатка пробила эту защиту: ремень вмялся в разбитые губы, голова стукнула об уступ. Я отпустил. Гоблин съехал по камню, оставляя широкую тёмную полосу.

Внимание! Получено 5 Очков Системы.

Уровень: 3 (10/60 Очков Системы).

Из-за спины снова донёсся стук топора.

Я вернулся бегом. Матвей стоял там, где я его оставил. Щит он ещё держал, но рука уже опускалась; нижний край цеплял порог. Топорщик заметил моё возвращение и отступил от двери.

Остался один...

Глава 5

Он тяжело дышал, но топор держал крепко. Щит прикрывал грудь. Теперь он косился мимо меня, на улицу: ему надо было уйти с подхода. Я остался у развилки, не позволяя пройти.

— Теперь он один, а нас двое, — сказал я Матвею.

Тот выдвинул щит за косяк. Гоблин не повернулся к нему целиком: держал меня в поле зрения, топор возле плеча. Выбрал момент, рубанул по щиту и сразу двинулся мимо, рассчитывая выскочить, пока Матвей спрячется за щитом.

Я встретил его на середине плит. Топор пошёл коротко, сбоку — без большого замаха, уже разогнавшийся. Я убрал голову — железо свистнуло возле уха и ударил ногой в щит.

Щит вбило ему в грудь. Гоблин отшатнулся к краю двери, провисшему до самых плит, попытался его обойти, но сапог попал на перекошенную доску полотна. Пятка съехала. Он рухнул на колено, топор зацепился клювом за полотно.

Я шагнул следом. Он ещё рвал оружие на себя, напрягая толстую шею. Матвей вышел на порог с мечом; гоблин повернул щит к нему и открыл мне лицо.

Я прижал вооружённую руку коленом к дереву и ударил. Накладка вошла в скулу, кожа разошлась. Голову отбросило к плечу, кровь плеснула на окованный край его же щита. Он замер с открытым ртом. Я уже поднял кулак для следующего удара, но через перчатку прошёл жар, и его пальцы на топорище разжались.

Второй удар не понадобился. Я снял колено с его руки, выпрямился и только тогда увидел, как часто дышит Матвей.

Внимание! Получено 10 Очков Системы.

Уровень: 3 (20/60 Очков Системы).

Матвей опустил щит. Лицо у него было мокрое, губы приоткрыты. Он заглянул за моё плечо.

— Всё?

— Сейчас проверю.

Я подошёл к развилке. Слева было пусто. Справа лежал пращник у камней. На крыше никто не двигался. Я обошёл край подхода, посмотрел в подвал: трухлявые балки, старая кладка, ни ступеней вверх, ни скрытого прохода. Гоблин, что заглядывал туда с края, зря старался.

Только после этого опустил руки.

От пальцев до плеч чувствовалась работа. Дыхание ещё было частым, рубаха липла к спине. Я разжал кулаки, повёл запястьями. Порез выше левой перчатки подсох, рукав возле него лип к коже. Других ран не нашлось. Рука двигалась свободно.

Матвей прислонил щит к косяку, но меч пока не убирал. Смотрел куда-то перед собой и улыбался, всё шире.

— Второй уровень, Гром. Двадцать очков набрал вместе с тем, у телег, — он вытер лоб рукавом и отступил, освобождая мне порог. — И два в характеристики дали. В силу оба вложу. Видел, как этот со щитом меня прижал? Ещё немного — руку бы отшиб.

— Видел. Ты вовремя его на себя отвлёк, я до пращника добрался, — я наклонился к гоблину, перегородившему вход, и взял его за ворот. — Убирай меч, помоги оттащить. Дверь поднять надо, пока ещё кто-нибудь не пришёл.

— Сейчас, погоди... — Матвей задержался, читая своё окно, затем его жутко перекосило, он застонал. Полуприсел, припав одним коленом к земле, скрежетнул зубами и коротко кивнул. — Всё, добавил. Ну-ка!

В животе у него отчётливо и требовательно забурчало. Меч исчез в карте. Он ухватил мёртвого за ноги и потянул раньше, чем я успел выпрямиться.

— Вместе давай, — остановил я его. — На счёт три.

Мы отнесли тело к краю подхода. Когда вернулись за следующим, Кира вышла из-за косяка и поймала меня за локоть.

— У тебя кровь, — она потянула разрезанный рукав, пытаясь рассмотреть руку. — И здесь, на плече...

— На плече чужая. Руку копьём царапнул, ещё когда этих троих встречал, — я осторожно освободил локоть и согнул руку, показывая ей. — Потом промоем. Сейчас от двери отойди, мы её поднимать будем.

Кира отступила внутрь, но продолжала смотреть на меня. Потом перевела взгляд на Матвея, на его залитую кровью куртку.

— Я за очагом только слышала. Как вы там... — она прижала ладонь ко рту, сглотнула. — Потом всё стихло. Я выйти боялась.

— Хуже было бы услышать его уже здесь, — я показал на потолок над лестницей. — Хорошо, что позвала. Пока мы дверь держали, он бы прямо к вам слез.

— Я чуть не промолчала. Думала, от топора сыплется.

— А если бы промолчала, я бы ещё внизу торчал. Ты зови, даже если кажется. Поднимусь, посмотрю.

Она убрала руку от лица и отошла к очагу. С убитых у порога сняли сумки и пояса, оружие сложили отдельно. Матвей взял второго гоблина за ноги; я подхватил под мышки. Мы оттащили его от порога и освободили место для полотна.

Полотно оказалось тяжёлым и неудобным: за разбитый край не ухватиться. Матвей взял за верхнюю полосу, я за нижнюю; между ними торчали рваные доски. Денис, сидя на полу, показывал, куда ставить край, чтобы не вырвать оставшуюся петлю.

— Низ сначала. Да, сюда. Теперь приподнимите.

Мы завели нижнее железо, а верхнее притянули к старым гвоздям. Дверь висела косо, но закрывалась. Пролом перекрыли двумя досками из ящика. Верёвка из первой трофейной сумки пошла через скобу и вокруг поперечин. Денис подсунул под расшатанный костыль щепки и деревянный клин.

— На ночь хватит? — Матвей налёг плечом.

— Если просто ночь, хватит, — ответил Денис. — Если опять топор, будить будет громко.

— Вот это нам и надо, — сказал я, проверяя брус.

Матвей помог вынести с чердака убитого. Мы протолкнули тело в пролом и спустили по скату на завал. Потом я принёс доску, положил поперёк целых опор и прикрыл часть отверстия уцелевшей черепицей. Снизу растянул старую сеть. Ветер ещё проходил, человек тоже мог продраться, но бесшумно снять всё это уже не получилось бы.

С подхода убрали тех, кто ещё мешал пройти к улице. Кира стояла у развилки и смотрела в проходы. На трупы старалась не глядеть.

— Пока никого, — сказала она, когда я вернулся за последним.

— Ещё чуть-чуть.

Хозяина вынесли в шкуре. Я не стал просить Киру помогать. Матвей сам взял второй край, молча, без торга о том, кто сколько убил. Я отложил для него сумку, найденную на тесачнике, которого он убил у порога.

Такая же бездонная сумка, F, на счётчике — одна из семи. Внутри несколько ломтей вяленого мяса, серый лоскут и маленькая деревянная фляжка. Фляжку я встряхнул — пустая, изнутри тянуло кислым. Я выложил содержимое на стол и протянул ремень Матвею.

— Держи. Со своей сложишь.

— А ты себе? — Матвей придержал ремень, ещё не забирая.

— Я свою во дворе уже улучшил. Тесачник твой, сумка тоже твоя.

Он провёл пальцем по ремню и усмехнулся.

— Ладно. Отказываться не буду.

Я показал ему счётчик на своей сумке, объяснил объединение. Он прочитал описание, выложил вещи из обеих и попробовал свести их вместе. Со второго раза появился запрос; Матвей выбрал согласие и вздрогнул, когда одна сумка исчезла в другой.

— Две из семи. И чего? — Матвей раскрыл горловину новой сумки, просунул руку и пошарил внутри.

— Пока ничего нового. Соберём семь — узнаем, — я сдвинул к нему его вещи, освобождая край стола.

Он спрятал их одну за другой и взвесил сумку в руке. Кира потянулась к оставшейся ткани; Матвей придержал край.

— Этот с моего. Себе на перевязку оставляю.

Денис подтянул штанину, показывая колено. Я взял нож, разрезал ткань надвое и одну половину передал Кире.

— Тебе хватит, — сказал я Матвею. — Ему тоже нужна.

Матвей посмотрел на обрезанный лоскут, убрал его к остальным вещам и затянул горловину.

— Хитро придумали.

— Сюда принеси, пожалуйста, — попросил Денис от очага. Он тянул штанину вверх, но та цеплялась за распухшее колено.

Кира принесла ему свою половину лоскута. Я присел рядом, помог освободить сустав. Сбоку уже наливался синяк.

— Стопой пошевели.

Он пошевелил, попробовал согнуть ногу и скривился. Ладонью упёрся в пол, собираясь приподняться; я придержал его за плечо.

— Пока не ходи. Тут всё подадим.

— В туалет тоже подадите? — Денис снова сел и осторожно вытянул ногу.

— Доползёшь до угла, — Матвей опустил сумку возле лежанки и подвинул к нему свёрнутую шкуру, — я тебя ещё раз на себе не понесу.

Денис усмехнулся. Кира подложила шкуру под колено, дождалась, пока он устроится, и приподняла край ткани.

— Так?

— Так легче.

Обычного оружия набралось больше, чем было кому держать. Два целых копыя, топор с клювом, тесак хозяина и его щит оставили у двери — на случай нового нападения. Остальное убрали в сумки. Я сунул длинное копьё наконечником вперёд: древко ушло целиком, наружу ничего не торчало. Поднял сумку за ремень. Прибавку веса чувствовал, но не такую, чтобы бросать железо на улице. Обод оказался мне мал; кольчуга тоже. Её свернули и убрали под лежанку. На отдельных трупах были монеты, ничего похожего на ещё одну оружейную карту мы не нашли.

Пока выносили убитых, я собрал ещё две полупрозрачные пластинки: одна висела над копейщиком, другая — над тем, которого я добил у двери. В пальцах обе стали плотными. Пустые, как первая. Та, во дворе, которая видно, попросту не успела упасть в щель между

плитами, пока я поднимал Киру. Справка подтвердила тот же F-ранг. Я сложил все три вместе. Записывать пока ничего не собирался, но и бросать их на улице не хотел.

Зато в кошеле топорщика среди смолы и четырёх монет лежала пластинка с тонким светлым узором. Я поднял её, и перед глазами возникла знакомая строка.

Малый магический дар.

Ранг: F.

Уровень: 1/5.

Тип: особенность.

Открывает параметр «Мудрость (86%)», +1 единица.

Прививает зачатки магического дара, однако вам предстоит проделать долгий путь, чтобы извлечь из него хоть какую-то пользу.

Насыщение: 7/10 ОС.

— Вот ты где, — я положил карту на свободный край стола и подвинул к свету.

Матвей возвращался от двери со щитом, разглядывая расщеплённый край. Остановился возле меня.

— Что нашёл?

— Магический дар. В начале предлагали взять.

Кира оторвалась от складывания ткани.

— Огонь вызвать сможешь?

Я ещё раз посмотрел описание. Заклинаний там не было, а слово «насыщение» пришлось открыть отдельно. Семь очков в карте уже есть, трёх недостаёт; можно вложить свои.

— Дар без заклинаний, — я повернул пластинку между пальцами, наблюдая, как узор ловит свет. — Три очка доложить, и можно учить.

— А заклинания где? — Денис устроил больную ногу на свёрнутой шкуре и привалился к стене.

— Мне завтра не молнией драться, а руками, — я почесал затылок и убрал карту рядом со стопкой чистых. — Сейчас всё равно огня не будет.

Матвей поставил щит у двери. Возвращаясь, взял со стола вяленый ломоть и понюхал. Я вспомнил, как отозвался его желудок сразу после вкладывания очков параметров в силу.

— Я бы и холодное съел, — с голодным вождением произнёс Матвей.

— Положи пока, — я отстегнул перчатки, оставил рядом с сумкой и взял флягу. — Завтра попробуем, понять бы ещё с кого это мясо срезали. Воды у тебя сколько?

Он вернул мясо в свёрток и достал свою флягу. Приподнял, поболтал у уха.

— Примерно половина.

Кира принесла свою, забрала флягу у Дениса. Мы поставили их рядом. Её оказалась полнее всех, у Дениса тоже осталось около половины; моя почти опустела. Матвей сделал небольшой глоток и завинтил пробку.

— На день. Если не разгоняться.

— Кувшин ещё, — Кира кивнула на очаг.

— Завтра вскипятим. Сегодня дымить не будем, — я отдал Денису его воду, а Кира вернула свою в сумку.

Матвей снова покосился на свёрток и сел на лежанку.

— После такого дня я бы рискнул.

— А если потом бегать придётся? До угла? — Денис поправил шкуру под коленом и посмотрел на него снизу вверх.

— Ты-то всё равно не побежишь.

— Поэтому и предупреждаю.

Кира рассмеялась и закрыла рот ладонью, словно сама от себя не ожидала. Я улыбнулся, потянулся убрать флягу — и задел разрезом рукава край стола.

— Стой, — сказала она, перехватив меня за запястье. — Покажи.

Я закатал разошедшийся рукав. Ткань прилипла возле неглубокого пореза от копья. Потянул было, но Кира остановила.

— Не дёргай. Дай воду.

Она намочила лоскут, приложила и подождала. Я держал руку на столе, пока она отделяла куртку от кожи. Матвей тем временем положил карту с мечом у изголовья, под свободный край шкуры.

— Больно? — Кира приподняла край ткани.

— Терпимо. Только не завязывай так, чтобы кисть отвалилась.

Она закрыла порез чистым лоскутом и обернула предплечье полосой. Прежде чем завязать, чуть ослабила оборот и посмотрела на меня. Я согнул руку, сжал кулак и разжал.

— Вот так хорошо. Спасибо.

Кира спрятала остаток ткани в свою сумку. Я опустил рукав и отодвинул перчатки подальше от края, чтобы ночью не зацепить.

Пока они устраивались, я открыл таблицу. В бою окна повышения я только смахивал, не читая. Теперь можно было разобраться спокойно.

Уровень: 3 (20/60 Очков Системы).

Свободные очки параметров: 4.

Число выглядело неправдоподобным. Утром здесь стоял ноль. Пятый уровень больше не казался задачей на весь месяц, но часы миссии никуда не исчезли: прожить тридцать суток всё равно придётся.

Четыре очка параметров: два за второй уровень, два за третий. До сих пор не вложил ни одного. Я задержал внимание на силе, вспомнил, как хозяина вынесло с порога, и перевёл взгляд на ловкость. Силы хватило. А когда приходилось поворачиваться от копья к праще и обратно, лишняя быстрота точно бы не помешала.

Вложил одно очко. Девятка сменилась десяткой — и меня скрутило. Так паршиво не бывало, даже когда я за месяц наработывал себе растяжку. Связки тянуло, будто их разом растащили в стороны и держали; в коленях и плечах ныло до тошноты. Я сидел, упершись ладонями в край стола, и ждал. Отпустило не сразу.

Внимание! Ваш параметр «Ловкость» достиг предела для вашей расы. Связь с Сервером...

Доступен бонусный навык: «Улучшенная ловкость» (Е).

Ваши связки и сухожилия гораздо прочнее и эластичнее, чем предусмотрено природой.

— Ещё и навык, — я по-стариковски крякнул, оторвался от описания и посмотрел на Киру. Она как раз затягивала горловину сумки.

— За что? — она оставила сумку у ноги и придвинулась.

— Ловкость до десятки довед, за это навык дают: связки крепче будут. Только вкладывать очки посреди боя нельзя: скрутит так, что не встанешь.

Я принял бонус. Ни вспышки, ни новой волны жара, только по телу прошло лёгкое, ровное расслабление. Встал, перенёс вес на одну ногу, медленно согнул колено и повернулся. Проверять предел растяжки после такого дня не собирался. Просто убедился, что двигаюсь свободно, и сел обратно.

В строке ловкости стояло десять из десяти. Дальше предлагалось разблокировать предел за сто ОС. Я закрыл предложение: у меня и близко столько свободных не было.

Я вернулся к силе. Девяти хватало, но каждый лишний удар — это лишняя секунда для чужого оружия. Если можно укладывать с одного, возьму.

Вложил второе очко. Сила стала десять — и опять накрыло. Сначала мышцы забились, как после двух дней в качалке без отдыха. Потом их свело судорогой, от плеч до икр. Хорошо, что сидел: стоя сложился бы на пол. Руки и плечи стали заметно крупнее и плотнее — на штанах и куртке пришлось ослабить ремешки. А следом навалился голод — такой, что свело желудок.

Внимание! Ваш параметр «Сила» достиг предела для вашей расы. Связь с Сервером...

Доступен бонусный навык: «Взрыв» (Е).

Активный навык. Сила +3 на 10 минут. Повреждает тело. Повторное применение — через сутки.

— Этот уже включать надо, — сказал я, дочитав описание. Спину всё ещё сводило. — Ещё три силы сверх предела, но с последствиями.

— Сейчас включишь? — Кира подалась вперёд, следя за моими руками.

— Нет. Ради пробы не буду.

Я закрыл описание и убрал руку с края стола, освобождая Кире место для сумки.

Навык принял, оставив неактивным. Постоянная десятка уже была моей; временную добавку пока проверять незачем.

Я вернулся к строке рукопашного боя. Следующая ступень стоила двадцать ОС. После покупки четвёртый уровень отодвинется, зато драться я буду уже по-другому.

— Кира, последи минуту за улицей, — попросил я. — Хочу навык поднять.

Она поднялась к чердачной щели. Матвей отложил шкуру.

— Прямо сейчас?

— Пока на улице тихо, хочу успеть. За сегодня заработал.

Я выбрал вторую ступень, прочитал цену ещё раз и подтвердил.

Внимание! Изучен навык «Рукопашный бой» (F, 2/5).

Израсходовано: 20 ОС.

Уровень: 3 (0/60 Очков Системы).

Навык снова прокатился по телу, связка за связкой, — и теперь среди знакомых попадались новые. На одном переходе задержался: после удара ногой вес уходил на переднюю стопу, корпус уже поворачивался для продолжения, а руки оставались собранными. Я мысленно повторил связку и дождался, пока поток закончится.

Потом встал из-за стола, медленно поднял колено и вернул ногу, сразу добавляя короткий удар. В первый раз шагнул шире, чем требовалось. Исправил и попробовал снова. Удар пошёл без прежней паузы на возвращение в стойку.

— На улице пусто, — сказала Кира.

— Спасибо.

Я сделал ещё две спокойные попытки на другую сторону и остановился. Хотелось разогнаться, но для этого нужен пустой двор, а не комната с людьми. Завтра проверю в движении.

Два оставшихся очка параметров пока не трогал. Сила и ловкость уже на десятке; с остальным разберусь утром.

Кира спустилась и заняла прежнее место у стола.

— Давайте договоримся, — я подошёл к двери, проверил брус в скобах. — Первым сию я, потом Матвей. Кира под утро, но меня разбудишь.

— А я? — Денис приподнялся на локте.

— Ты спишь. Дверь уже починил, завтра ещё работа найдётся.

Он хотел что-то сказать, но вместо этого перевернул край шкуры, подложил под голову. Матвей сел на лежанку, стянул один сапог, потом второй. Потёр ступню и с претензией посмотрел на меня:

— Дом твой, получается?

— Отбил я. Жить предлагаю вместе, — я поднял с пола оставшийся обрезок и бросил в ящик, чтобы не мешал ночью. — Воду ищем вместе, дежури́м по очереди. Никто не шарит в чужой сумке. Хочешь уйти — утром скажешь, не держу.

— Мне бы ногу поставить, — Денис осторожно вытянул её, устраиваясь на боку. — Потом решу.

Матвей недовольно задвинул сапоги под лежанку, сумку сунул в изголовье.

— Я пока остаюсь. На улице мне не понравилось.

Кира подошла к лестнице с курткой в руках. Остановилась, пропуская меня, и тихо спросила:

— Ты же не уйдёшь, пока я сплю?

Я взялся за перекладину, повернулся к ней.

— Не уйду.

Она подождала ещё секунду, кивнула и начала расстилать куртку у стены. Такое обещание я мог сдержать.

Я забрал перчатки со стола, поднялся на чердак и устроился у щели. На улице лежали синие сумерки. За крышами догорала полоса света; башня у моря стала тёмной и плоской. На шум сюда уже приходили два отряда. Сколько ещё осталось в городе, я не знал.

Внизу Матвей негромко ругался, пытаясь расстелить короткую шкуру. Денис посоветовал ему лечь поперёк; тот ответил, что поперёк будет торчать ещё больше. Скрипнула лестница.

Кира поднялась на несколько ступеней.

— Я лягу, — она держалась за перекладину, глядя снизу вверх. — Разбудишь, если что-нибудь начнётся?

— Разбужу. А пока спи, — я подвинул перчатки ближе к колену и снова посмотрел на улицу.

— Хорошо.

Ступени скрипнули под ней. Внизу зашуршала куртка. Я проверил перчатки, лежавшие рядом: до них можно было дотянуться, не вставая. Не знаю, что меня на это сподвигло, то ли лёгкое недоверие к Матвею, то ли какая-то интуиция, но я убрал их в карту. Карту держал под клапаном, ножевую — в другом кармане. Внизу люди постепенно затихли.

Впервые за день никто не требовал решения прямо сейчас.

Я устроился удобнее у стены и стал смотреть на развилку. До утра дом нужно было просто сохранить.

Глава 6

Я спал часа два — на полу у лестницы, под собственной курткой. Кира разбудила меня на смене, и остаток ночи я просидел у чердачного окна.

С моря светлело. Из серого проступили крыши, колеи на улице, трава в щелях. Ни дыма, ни движения. Дом выстоял.

Я поправил сползшую за время сна повязку над левой кистью. Порез от копыа подсох; при повороте запястья тянуло только кожу. В кармашке куртки лежала карта с перчатками. Я коснулся её, призвал и надел их, затянул ремни и несколько раз раскрыл ладони. Можно работать.

Пока внизу спали, я вернулся к параметрам. Сила и ловкость уже были по десять. Свободных очков осталось два; я вложил одно в выносливость. После вчерашних подарков хотелось проверить ещё одну девятку. Без мучений не обошлось и тут: навалилась такая усталость, будто я отстоял на ринге два боя подряд. С минуту я просто сидел, привалившись к стене.

Внимание! Ваш параметр «Выносливость» достиг предела для вашей расы. Связь с Сервером...

Доступен бонусный навык: «Марафонец» (Е).

Вы устаёте медленнее.

Принял. Ни новых движений, ни горячей волны. Я потянулся под низким скатом и вернулся к таблице. Последнее очко вложил в восприятие: вчерашний скрежет на крыше первой услышала Кира, не я, а мне ещё приходилось следить сразу за несколькими противниками. Даром не прошло и это. Сначала в глаза будто воткнули тонкие иглы и пару раз провернули. Потом заложило уши, и в них пронзительно зазвенело. А под конец в нос разом ударила вся застарелая вонь гоблинского жилья — и отдельно, ни с чем не спутаешь, мои новые товарищи.

Внимание! Ваш параметр «Восприятие» достиг предела для вашей расы. Связь с Сервером...

Доступен бонусный навык: «Детектор Лжи» (Е).

Активный навык. Позволяет воспринимать мельчайшие детали поведения и мимики собеседника.

Я перечитал описание. Про готовый ответ «врёт» там не было: детали поведения. Принял и закрыл окно. Свободных очков не осталось; проверять новый навык пока было не на ком.

Поднял перчатки к глазам. Вроде бы вчера царапины на накладках были глубже, а начинающийся разрыв на ремешке - длиннее. Не прямо так, чтобы царапины разгладились, а разрыв затянулся, нет. Усиленное восприятие уверяло меня, что произошли перемены к лучшему в состоянии моего основного оружия. Надо будет понаблюдать. А вообще, взять за правило хранить оружие в карте-ножах, интуиция подсказывала, что это правильно.

Внизу скрипнуло. Потом ещё раз, со сдавленным кряхтением.

Я спустился. Денис сидел у очага и подгребал щепки, вытянув больную ногу поперёк пола. Я снял перчатки и убрал ва карту.

— Ты из-за ноги не спишь? — я присел рядом. Денис отложил щепки и подтянул штанину, показывая распухшее колено.

— Оно всю ночь ноет, как ни повернись. Попробовал до двери дойти — опять сложилось. Хорошо, за стену держался.

Я распустил узел. Под тканью выпирал отёк, сбоку налилось синим. Денис осторожно пошевелил стопой, затем попробовал согнуть ногу и остановился.

— Не наступай пока, — я намотал повязку свободнее, оставляя место отёку. — Если куда понадобится, позови. Проведём.

— Я ж вас так на весь день привяжу, — он посмотрел на дверь, потом вернулся к колену. — Как думаешь, это надолго?

— Не скажу. В зале после такого неделями береглись, но я не врач. Сейчас точно не надо проверять, выдержит ли нога ещё один поход.

Денис поправил край повязки и подтянул ящик с обрезками поближе к себе.

— Тогда очаг я на себя возьму. Ты вчера говорил, воду вскипятим. Я растопку собрал, дрова пока досюда дотащил, какие смог. Всё равно мне здесь сидеть.

— Договорились. Я посмотрю воду и принесу ещё сухого. Только костёр до потолка не разводи: трубу с улицы видно.

— Да не первый раз топлю, — он отобрал две толстые щепки, положил поперёк остальных. — На даче каждое лето этим занимаюсь. Вы мне горшок найдите, чтобы кипятить было в чём.

Я подвинул ему ящик так, чтобы не задевал больную ногу, и поднялся к двери.

Верхняя петля по-прежнему держалась на кривых гвоздях, пролом — на двух досках и верёвке. Я налёг плечом. Дверь скрипнула вся разом, но устояла. Вынул брус, приоткрыл и выглянул.

На плитах темнели пятна вчерашней крови. Дальше, за поворотом, улица была пуста. Я прошёл до угла, прислушался к прибою — и заметил каплю на обломанном краю кровли.

Стены, трава на развале, даже черепица были мокрые от росы. Я обошёл дом по доступной стороне, высматривая, куда стекает вода. Один скат уходил в завал, второй — к провалу в подвал. А у самого угла из кладки торчал обломанный жёлоб.

Подставил ладонь. Капля ударила в кожу; следующей пришлось подождать.

«По капле. На питьё быстро не наберёшь».

Под жёлобом темнела выемка, давно промытая в грязи. Я вернулся за кадушкой и поставил её туда. Дерево рассохлось, но дно ещё держало.

— Под жёлоб поставил кадушку, но капает едва-едва, — сказал я, возвращаясь. — Много оттуда не натечёт. Вскипятим то, что в кувшине осталось.

— За лежанкой посмотри, там край горшка торчит, — Денис кивнул на дальнюю стену. — Если целый, сгодится.

У лестницы зашуршала куртка. Кира села, придерживая ладонью растрепавшиеся волосы. Несколько секунд разглядывала комнату, потом нашла меня.

— Ты так наверху и просидел? Я думала, потом ещё раз тебя сменю... и опять уснула.

— Я два часа спал, пока Матвей дежурил. А ты меня под утро разбудила, как договаривались. Всё нормально.

Она потёрла глаза и посмотрела на грязные пальцы.

— Ненавижу это: просыпаешься и секунду думаешь, что дома.

Я подвинул ей скамейку от стола, чтобы не сидела на холодном полу.

— Сейчас огонь будет. Хоть согреемся.

На лежанке зашевелился Матвей. Он откинул шкуру, поискал ногами сапоги и встал, потягиваясь.

— Вот это дело. За ночь чуть не околел, и это в доме! — он натянул сапог и потянулся за вторым. — Дров притащу, на улице обломков полно.

— Только за поворот не уходи, — сказал я, придерживая дверь. — Сюда и так вчера набежали.

— Да помню, командир. Ещё не соскучился.

Он усмехнулся и вышел. Кира встала со скамейки, наклонилась за лежанку и вытащила горшок. По краю шла трещина; я плеснул на дно из кувшина, проверил, не течёт ли, и оставил воду в горшке. Ниже трещины держало.

За десять минут Матвей принёс две охапки сухих обломков и свалил у очага.

— Там ещё балка лежит, но этим топором её только мять, — Матвей подобрал трофей у двери, посмотрел кромку и положил на стол. — Найду камень, поправлю. У нас старшина за такой инструмент душу бы вынул.

— Сначала разожжём, этих обломков хватит, — Денис придержал растопку, чтобы Матвей не свалил на неё всю охапку. — Огнива ни у кого не было? В кошеле со смолой посмотри, Гром. Может, вместе лежало.

Я принёс кошель, высыпал мелочь возле топора. Среди монет нашлись тёмный камень и изогнутая железка. Сложил их рядом, подцепил шнурок и убрал с дороги.

— Вот оно. Я таким в шестнадцать лет полтора часа искру добывал. Потом зажигалку достал.

Матвей протянул ладонь.

— Дай попробую. Тут ещё трут должен быть, без него нам тоже до обеда сидеть.

Я нащупал в складке кошеля мохнатый ключок и передал Матвею. Первые искры ушли мимо трута. Матвей изменил угол, наклонился ниже; следующая осталась тлеть. Прикрыл ладонями, подул. Денис уже раздвигал щепу, освобождая ей место.

Пламя пошло по тонким обломкам. Матвей подождал, пока займутся, и сел на пятки, вытирая пот со лба. Кира придвинула скамейку, осторожно вытянула ладони к теплу.

— Даже не знала, что так замёрзла. Пальцы совсем деревянные.

— Только руки близко не суй, — сказал Денис и отложил в сторону самые тонкие щепки. — Эти не жгите все, на завтра оставим. А горшок давайте сюда.

Я долил в горшок остаток из кувшина, не взбалтывая серый осадок, и поставил на камни. В кувшине осталась только мутная придонная лужица — пить её не станем. Матвей поправил полено под горшком.

— Если прокипит, уже не так страшно пить. Только тиной несёт.

— Вкус никуда не денется, — я прикрыл горшок плоским черепком. — И если в ней что-то растворено, кипячение не поможет. Остынет — попробую немного. Пока фляги не допивайте.

Матвей отодвинул свою от огня, чтобы не нагревалась, и поднялся за второй охапкой.

Пока он складывал дрова у очага, я достал мясо, найденное вчера у гоблина с ножом. Матвей добавил свёрток из сумки убитого им тесачника. Тёмные ломти были твёрдые, как подмётка. По краю белела соль, пахло копчёным и чем-то кислым. Тем не менее желудки всех присутствующих исполнили слаженную симфонию.

Я отпилил трофейным ножом кусочек с ноготь. На разрезе виднелись волокна и белые прожилки.

Матвей заглянул через плечо.

— На мясо похоже. Я бы уже съел, только зубы жалко.

— Солили и сушили на совесть. А кого — не скажу, — я развернул свёрток, показывая Кире все пятнадцать ломтей. — Другой еды у нас пока нет.

Она села на скамейку, потянула к себе край тряпицы и понюхала.

— Если размочить, может, хоть жеваться будет.

— Вот и попробую. Сначала этот кусочек, потом час подождём. Если всё нормально, остальное разделим.

Матвей хотел что-то сказать, но посмотрел на маленький обрезок в черепке и махнул рукой. Денис поправил крышку горшка; из-под неё уже шёл пар.

Когда вода закипела, я залил пробный кусочек и накрыл черепок. Немного отлил отдельно — смочить ткань для ссадин; остальное оставил в горшке.

У Дениса заурчало в животе. Кира обернулась, и он развёл руками.

— Это я, не живность под домом. Давай уже попробуй, а то я сейчас этот черепок съем.

Мясо размокло по краям. Я выудил его щепкой, подул и положил в рот. Соль защипала язык, жёсткие волокна застряли между зубами.

— Ну? — Матвей держал наготове свой ломоть.

— Солонина. Коптили с чем-то смолистым, — я прожевал и подвинул свёрток к середине стола. — Пусть пока лежит.

Матвей положил мясо обратно, стрёб с пола две длинные щепки и принялся обламывать их над ящиком. Кира переставила горшок на край очага, чтобы вода остывала. Денис подхватил край рукавом, помог переставить.

— Дома-то привык, что жена накормит, — сказал он, разглядывая обожжённый палец. — Сам только чайник ставлю. Хотя по работе всё время с нагревом возжусь. Теплотехник я, из Перми.

— Дети есть? — Кира подала ему сухую тряпку, которой держала горшок.

— Дочка. Четыре года, — он обернул пальцы тряпкой и опустил руку на колено. — Мне тридцать один, а вчера в переходе навернулся, как дед. С работы шёл. Нога мимо ступеньки, головой об край. Пока лежал, предложили эту Игру. Я согласился, даже не подумав.

Матвей переломил щепку, бросил половинки в ящик.

— Я на мотоцикле. Встречка, фура. Десять лет дорогу знаю, каждую яму — и вот. Тула, если что. Тридцать два. На складе бригадой командовал, до того срочка, мотострелки, — он потёр зачесавшуюся щёку запястьем. — Меч взял, хоть что-то знакомое по виду. Ты тоже?

Денис кивнул на свой клинок у стены.

— Думал, с ним надёжнее. А бегать в итоге пришлось быстрее, чем махать.

— Мне уже после удара предложили, — сказала Кира, подбирая щепки, рассыпавшиеся возле её ног. — Вернее, я удара не помню. Фары, потом белое.

Матвей подвинулся, освобождая место возле себя, и хлопнул по скамье.

— Садись. Тут от двери не дует.

— Мне здесь хорошо, — Кира вернулась на своё место у лестницы.

Он оставил ладонь на скамье, потом убрал.

— Как знаешь. Ночью-то у двери мы с Громом сидели.

— Я тоже дежурила.

Матвей спорить не стал.

— А ты как? — он повернулся ко мне, перестав ломать дерево.

— Зарезали. Человек, на которого три года работал.

Кира остановилась со щепкой в руке.

— За что?

— Просили бой слить, а я выиграл. Подпольные драки. Полмиллиона на кону, я за ними и вышел, — я взял у неё щепку, расколол вдоль и подал обратно. — Он проводил до угла, там ещё трое ждали. Пока на них смотрел, получил нож под лопатку.

— А ты? — Матвей подался вперёд.

— Достал его. С одного удара лёг. Только он со своими уехал, а я там и остался.

Матвей выругался вполголоса. Денис дотянулся до горшка, проверил рукавом край и отодвинул ещё дальше от огня. Кира положила расщеплённую палочку рядом с моим черепком.

— Зато ты здесь, — сказала она. — Хоть так.

Я кивнул и взял флягу.

О себе Кира рассказывала, разбирая содержимое сумки на свободном конце стола. Двадцать два, Кимры. Два года училась в Дубне на бухгалтера, бросила, устроилась работать.

Найдя запасную рубаху, она встряхнула её и сложила на коленях. Сухая, чистая; Кира провела ладонью по ткани и вдруг замолчала.

— Что? — спросил я.

— С мамой поругалась в тот вечер. Из-за того, что редко звоню, — она разгладила рукав, хотя на нём уже не было складок. — Последнее, что сказала: «Мне пора». До сих пор слышу, как она вздохнула. Я тогда трубку положила.

Денис потянулся за флягой и остановился, глядя на неё. Матвей сгреб обломки в ящик, поднялся проверить дверь. Я освободил возле Киры место для рубахи. Она сложила её туда, вытерла глаза тыльной стороной кисти.

Пока Матвей выглядывал наружу, я сверился с отчётом миссии. Почти час. В животе было спокойно.

— Давайте есть, — я придвинул свёрток. — Кира, подай нож.

Она передала его рукоятью вперёд. Я отрезал ещё три ломтя и разделил вместе с остатком пробного. Горячей воды добавили понемногу: только чтобы размочить. Матвей держал черепок, Денис раскладывал порции по обломкам посуды.

Мне достались два небольших куска. Я прожевал первый, запил остывшей водой. Тепло разошлось по животу, и захотелось немедленно съесть второй. Пришлось отрывать от него совсем по чуть-чуть.

Кира ела так же, вытягивая волокна пальцами. Матвей управился быстрее всех и теперь ковырял щепкой между зубами.

— После вчерашнего — праздник, — сказал Денис и собрал с черепка последние крошки.

— Завтра ещё будешь эту соль изо рта выковыривать.

— Если завтра будет что выковыривать, я согласен.

Кира опять засмеялась в ладонь. Я потянул к себе остаток мяса: одиннадцать ломтей. На следующую еду хватит.

После еды я завернул оставшиеся ломти и убрал в сумку.

— Зачем? — спросил Матвей. — Тут и так с гулькиным нос.

— Следующую еду ещё найти надо, — я затащил свёрток, оставив Матвею край верёвки придержать.

Он вздохнул, но завязать помог.

Потом я стянул сапоги и вытянул ноги на холодный камень. На правой пятке набух пузырь, левый большой палец оказался натёртым до блеска. Портянки были мокрые насквозь.

Минуту я просто шевелил пальцами. Из всех сегодняшних наград эта оказалась самой честной.

Денис потянулся к своим сапогам и остановился, поморщившись.

— Давай помогу, — я присел у его здоровой ноги, стянул сапог, потом осторожно снял второй. Разложил портянки на камнях у очага.

От них пошёл пар.

— Фу, — сказала Кира.

— Это ещё цветочки, — Матвей тоже разулся и повесил свои рядом.

Кира отошла к дальней стене, но скоро вернулась: возле огня было теплее. Денис подвинул ей край скамейки.

— Слушай, — сказала она мне тихо, когда остальные заспорили, чья портянка воняет сильнее. — А можно я... ну... помоюсь?

Я посмотрел на неё.

Вчера за боями и ремонтом я толком её не рассмотрел, а сегодня, при свете от очага и из щели, было видно всё. Волосы тёмные, ниже плеч, сбились в свалившийся ком и висели вдоль лица; на щеке подсохла ссадина, вокруг которой размазалась грязь. На шее и под подбородком

серые разводы. Костяшки и ладони содраны, под ногтями чёрное. Куртка на левом плече разорвана и в пыли, штанина на колене продрана.

Она поймала мой взгляд и попыталась пригладить волосы. Вышло хуже.

— Воды на мытьё у нас нет. Есть немного кипячёной, я для ссадин отлил. Лицо тряпкой оботрёшь, плечо посмотрим. Сейчас угол тебе закрою.

Кира посмотрела за лестницу, потом на мужчин у огня. Я обулся и повесил за лестницей серую ткань из трофейной сумки: два гвоздя забил рукояткой ножа в швах кладки, между ними верёвка. Оставшиеся полосы отложил на перевязки.

— Матвей, ты точно хотел поискать. Глянь у поворота, только дальше не ходи.

Он натянул сапоги, взял топор и вышел. Кира забралась за полог с отставленной водой и двумя лоскутами. Я подвинул к Денису его вещи; тот проверял, дотянется ли до них, не вставая.

— Гром, зайди, пожалуйста. Плечо посмотри — я не достаю.

Я отогнул ткань.

Кира стояла ко мне вполоборота. Куртка висела на перекладине, под ней оказалась светло-серая рубаха — куда теснее куртки. У талии ткань собиралась свободными складками, а на груди натягивалась. Высокая полная грудь, узкие плечи, округлые бёдра — за этой проклятой курткой половины не было видно.

Кира подняла руки, собирая волосы. Рубаха потянулась следом, открыла полоску живота над поясом. Она чуть прогнулась, пытаясь вытащить прядь, зацепившуюся за ворот, и я засмотрелся.

Красивая. Очень. Грязь на шее, ссадины и чужая мешковатая одежда этого не отменяли.

Она собрала волосы на затылке, придержала одной рукой и повернулась ко мне.

— Вот здесь. Когда руку поднимаю, тянет.

Я спохватился и поднял глаза к её лицу. Кира ждала ответа, а я уже несколько секунд молчал.

— Покажи. Под воротом?

— Сзади немного. Сама не вижу, — она отпустила волосы на правое плечо и стянула ворот рубахи с левого.

За плечом подсохла широкая ссадина, по краям налипла каменная крошка.

— Об ворота вчера, — сказала Кира и оттянула ворот ниже. — Только не дёргай.

Я смочил чистый угол лоскута. Она держала волосы, пока я снимал грязь вокруг содранной кожи. Там, где съехал ворот, под ключицей виднелись редкие веснушки; к ним хотелось прикоснуться совсем по другой причине.

— Ладони сама протёрла? — спросил я.

— Ещё вчера. Тут только колено осталось, — она села на ступеньку и подтянула правую штанину. — Вот это я удачно пробежалась.

Пока Кира осторожно обтирала края ссадины, я расправил рукав её куртки. Разрыв цеплялся за перекладину. Она достала из кармана оружейную карту, извлекла кинжал и срезала висящую нитку. Я придержал ткань, и край лёг ровно.

— Хоть для этого пригодился, — Кира вернула клинок в карту и опустила ладонь к колену. — Зверя им ударить не смогла, а тряпку — пожалуйста.

— Зато крышу ты услышала первой.

Она кивнула, не поднимая головы, и выжала последние капли на угол лоскута. Под штаниной открылась длинная гладкая нога. Я подставил ладонь ей под пятку, чтобы не соскальзывала с края ступеньки, пока Кира убирала песок.

— Спортом занималась? — спросил я. — Ноги сильные.

— До пятнадцати. Потом тренер сказал, что до разряда не дотягиваю. Я и ушла, — она стряхнула песчинку на пол. — Сейчас смешно, а тогда обиделась страшно.

— Мне тоже сказали, что руки короткие. Пришлось учиться самому дистанцию выбирать.

— И не бросил?

— Полгода тренера ненавидел. Потом на том, чему научил, зарабатывал.

Кира усмехнулась, потянулась за курткой. Я подал её, отставил пустой черепок на пол и вышел из-за полога, пока она одевалась.

Матвей уже вернулся: топор лежал у очага, сам он грел ладони и смотрел в щель у края полога — туда, где Кира на ступеньке продевала руку в рукав куртки, ещё не опустив штанину.

Я попробовал включить новый навык. Матвей заметил меня — сжал губы и глянул на топор. Это я увидел бы и так. Навык добавил другое: дыхание у него не сбилось, ладони у огня даже не дрогнули. Он не смутился. Он прикидывал.

Глава 7

— Точила не нашёл, — сказал Матвей. — Камни крошатся.

Пока говорил, он снова посмотрел мне за плечо. Я придержал край полога, закрывая ему обзор.

— Гром,крепи, пожалуйста, — попросила Кира изнутри. — Он всё время сползает.

Я перехлестнул ткань через верёвку и связал углы. Матвей отодвинулся от огня, подхватил топор. Кира вышла уже в застёгнутой куртке, вынесла черепок и лоскуты. Поставила возле Дениса, обойдя Матвея со стороны стола.

Я взял флягу и подошёл к двери.

— Денис, посмотри за улицей. Я у угла.

Он передвинул табурет, освобождая себе обзор.

Матвей вышел следом. Догнал меня возле жёлоба и прикрыл дверь — так, что от очага Денису нас стало не видно. Я это отметил.

— Слушай, а мы тут вообще как жить собираемся?

— Воду искать надо, — я поднял флягу. — С крыши почти ничего не набралось, а эту скоро допьём.

Матвей перехватил топор в другую руку и посмотрел на полосу неба между крышами.

— За водой опять мы с тобой пойдём. А остальные здесь посидят, — он опёр топор о стену, убрал ладонь с рукояти. — Ты думал, как дальше? Месяц их на себе тащить?

Он усмехнулся, будто мы уже поняли друг друга.

— Денис понятно, свой мужик. Ногу вылечит, поможет. А эта? — Матвей глянул на дверь. — Вчера из-за наших спин выглядывала, сегодня уже нос воротит. Сесть рядом предложил — будто я заразный.

— Не захотела, — я закрутил пробку фляги. — Бывает.

Он помолчал и придвинулся ближе.

— Девка-то ладная. Ты видел, что там под курткой? Я ещё вчера, на лестнице, приглядел.

— Видел. Дальше что?

— Да я по-хорошему, — Матвей заговорил тише. — Мы вдвоём кормим, защищаем. Она одна дня не проживёт. От неё в бою пользы никакой.

— Она предупредила про крышу.

— Я тоже слышал. Только я дверь держал, — он отмахнулся. — Гром, я не жалею. Мужики должны защищать, понятно. Но она-то нам чем-нибудь ответит?

Я убрал флягу в сумку и повернулся к нему.

— Чем ответит?

Он посмотрел на меня с терпеливой улыбкой.

— Ну, не маленький же? Ты мужик, я мужик — давай сразу между собой договоримся, чтобы потом из-за бабы не сцепиться. Ты её первый нашёл — ты и первый. Дальше по очереди, без обид. А ей спокойно объясним. Она не дура, поймёт.

Несколько секунд мы молчали. Где-то за крышами шумело море. Матвей ждал, и улыбка держалась у него всё хуже. Я стряхнул с ладоней пыль и встал прямо перед ним.

— Ты ей уже это говорил?

— Нет. С тобой сначала.

— Вот и закончим на этом. Она тебе ничего не должна.

Он отстранился от стены.

— Так я ж не силой. Поговорить.

— Она сама решает, с кем ей быть. Не ты и не я.

Матвей посмотрел на дверь. На секунду челюсть у него напряглась, потом он снова усмехнулся.

— Ты чего завёлся? Я потрепаться пришёл. Шутки не понимаешь?

— Сейчас это уже шутка. До этого ты очередь распределял.

Он наклонился за топором. Я не сдвинулся с места. Матвей подобрал инструмент и повесил на пояс.

— Мы вчера вместе дрались. Ты лазил, я дверь держал, я тебе спину прикрыл. А теперь ты мне тут как начальник...

— За вчера спасибо. Киру делить не будем.

— Или сам на неё нацелился? — он посмотрел мне в лицо, уже без улыбки. — Конкурент не нужен?

— Закрыли тему, — я упёрся взглядом ему в переносицу. — Ещё раз откроешь рот в эту сторону — я тебя сам здесь положу. Спасать людей ради того, чтобы ставить их раком, я не нанимался. И тебе не дам.

Он отвёл взгляд к разваленной стене. Я дал ему время. Под ногами белела щепка от вчерашней двери; он задел её носком, отодвинул.

— Всё, проехали, — протянул руку. — Реально не то сказал. Голова после вчерашнего кругом.

Я пожал ладонь, не сходя с места.

— К ней с этим не подходишь.

— Услышал.

Матвей подобрал у стены плоский камень, потёр ладонью ровную сторону и унёс в дом. Через минуту изнутри донёсся скрежет стали. Я дождался, пока скрежет станет ровным, и пошёл в дом за Кирой.

Кира сидела за столом и раскладывала свои вещи: фляга, карта с кинжалом, свёрнутая запасная рубаха, обрывки ткани. Матвей точил топор о принесённый камень. Денис дремал, привалившись к стене.

— Кира, выйди со мной на минуту.

Она подняла голову и встала. Матвей продолжал точить топор; по камню шла тёмная полоса металлической пыли. Мы вышли к кадушке. Я прикрыл дверь, но остался так, чтобы видеть подход.

— Что случилось? — Кира вытерла ладони о штаны.

— Матвей говорил о тебе. Считает, что за защиту ему положено...

Она посмотрела на дверь. Договаривать не понадобилось.

— Ясно.

— Я ему отказал. Он назвал это шуткой, — я прислонился к стене, не закрывая Кире путь к двери. — Ты утром заметила, как он смотрел?

— Да. Поэтому и попросила ткань поправить, — Кира обхватила себя за локти. — Я не думала, что так быстро. Сутки прошли.

— Одна с ним не оставайся. Я рядом; если выйду, держись на виду у Дениса.

— Денис встать не может.

— Но слышит и позовёт. И ты зови сразу.

Она молча провела большим пальцем по засохшей ссадине. Я отвёл её руку.

— Не сдирай.

— А если не смогу крикнуть? — она подняла глаза. — Вчера у ворот горло сжалось. Пока он не замахнулся, я стояла и молчала.

Я показал на кадушку, потом на стену дома.

— Тогда стучи. Посудой, ногой, чем получится. Это услышу.

Кира стукнула по краю кадушки. Дерево гулко отозвалось.

— Так слышно будет?

— Через стену слышно. Пойдём. Он в комнате один остался с Денисом.

Кира отодвинулась, пропуская меня к двери, и вошла следом.

Матвей уже точил гоблинский тесак. Услышав дверь, проверил кромку ногтем и продолжил. Денис проснулся и подкладывал в очаг.

— Кира, — сказал Матвей, не поднимая головы. — Ты бы поела ещё. Ты вообще с гульки нос съела.

— Я сыта, — Кира прошла мимо него к столу и повесила сумку на спинку скамьи.

Я сел за стол так, чтобы Кира оказалась между мной и стеной, подальше от Матвея. Она повесила два использованных лоскута возле очага, подальше от пламени. Я разложил то, что понадобится в дороге: карты, нож, остаток верёвки, флягу. Кольчуга осталась под лежанкой — тащить её смысла не было.

Почувствовал себя без оружия голым, коснулся карты и призвал перчатки. Я надел их, выправил край повязки из-под левой манжеты и затянул ремни. Не дело это, надо как-то ускорять процесс: всё-таки обычно оружие сразу оказывается рукояткой в ладони, ладно если бы сразу проявлялись на кисти и оставалось бы только подзатянуть ремни. Матвей перестал точить. Я сжал кулак, проверяя посадку; он снова повёл тесаком по камню.

Карты разложил по карманам: ножевую справа, от перчаток слева. Клапаны застегнул — сегодня их ещё придётся открывать на ходу.

Потом я взялся за дверь.

Верхняя петля висела на двух кривых гвоздях, и меня это не устраивало. Я вытащил их, распрямил камнем на плите порога и загнал заново, добавив третий из кошель. Стало лучше — полотно перестало гулять при открывании.

Потом занялся нижним углом воротины, который скрёб плиту. Тут помог Денис: не вставая, он прикинул, что если снять с угла миллиметра три, дверь встанет ровнее. Я срубил тесаком щепу с угла, попробовал — стало легче. Срубил ещё. Дверь пошла почти свободно.

— С дверьми тоже работаешь? — я попробовал открыть ещё раз; полотно прошло над камнем, не царапнув.

— Тесть столяр. На той же даче я у него и двери навешивал, — Денис поддел носком здоровой ноги срезанную щепку, отодвинул к очагу. — Хоть пригодилось.

К полудню всё было почти хорошо.

Огонь горел. Портянки высохли. Дверь ходила ровно. Перчатки были подогнаны, карты на своих местах. Последнюю кипячёную воду из горшка мы допили после еды. Теперь оставалось только то, что во флягах. Я посмотрел на приоткрытую дверь: снаружи давно не было слышно капель.

Я вышел проверить кадушку и заодно постоять на воздухе.

Дверь оставил приоткрытой на ладонь, чтобы слышать, что в доме. От двери до жёлоба было шагов шесть.

Я наклонил кадушку. В углу заблестело несколько капель, на жёлобе больше ничего не собиралось. На сегодня всё. Я поставил её на место и посмотрел вдоль стены. Надо искать настоящий сток или колодец.

Из дома донёсся звук.

Не крик. Стук. Что-то деревянное упало на пол.

Я поднялся.

И тогда закричала Кира:

— Гром!

Я уже бежал. Шесть шагов до двери, створка подалась от ладони, и я оказался в комнате.

Матвей загородил Кире выход из угла за лестницей. Держал её за запястье. Она тянула руку к себе, прижимаясь спиной к стене. На полу лежала опрокинутая скамейка.

— Отпусти. Я сказала — нет. Отпусти меня!

— Ты сама-то ответить можешь? Или он теперь за тебя решает? — Матвей дёрнул её к себе. — Я тебе ничего не сделал!

— Матвей, убери руки! — Денис подтащил себя от очага к столу, ухватился за край и попытался встать. Правое колено подломилось. Он сел на бок, задел посудину; та разбилась о камень. — Гром!

Я прошёл вдоль края стола. Матвей обернулся; я перехватил его кисть, повернул ладонью наружу и отвёл от Киры. Всё-таки рукопашка - это не только удары, но и захваты, и заломы. Он охнул, подался вслед за рукой и выпустил запястье. Я отпустил его сразу, как между ними появилось место.

— К Денису, — сказал я Кире. — За стол.

Она проскочила мимо меня, присела к упавшему и подхватила его под локоть. Матвей тряс кистью, переводя взгляд с неё на меня:

— Ты чего руки распускаешь?

— Она просила отпустить.

— Я просто взял за руку! Мы разговаривали.

— Она сказала «нет», — Денис подтянулся к стене. Кира придерживала его за плечо. — Я слышал. И видел, как ты не пустил её пройти.

Матвей резко повернулся к нему:

— Сиди, раз встать не можешь.

— Сижу. Это не мешает мне видеть.

Я встал между Матвеем и столом. Он отступил вдоль свободного края к двери, красный, растирая запястье. Потом потянулся к нагрудному клапану с оружейной картой. Я следил за этой рукой.

— Забирай вещи и уходи, — я указал на его сумку у лежанки.

— Ещё скажи: «из моего дома»! Мы вместе его держали! Я тебе спину прикрывал, а теперь ты мне «уходи»? — Матвей расправил плечи. — Хозяин нашёлся. Всех рассадил, как тебе удобно.

— Утром договорились. Ты сам руку протянул, — я поднял его сумку с лежанки и поставил у порога. — Вещи забирай. Еду тоже. Но здесь ты не останешься.

Матвей посмотрел на сумку, потом за открытую дверь. Снаружи, за завалом, скребануло по камню. Он отступил от порога обратно ко мне.

— Сам иди. Я этот дом тоже держал.

Матвей вытащил карту. Меч лёг ему в ладонь; он выставил клинок между нами, заставляя меня отойти от прохода. Я сместился, закрывая от него Киру и Дениса.

— Меч опусти.

Он поднял клинок на уровень пояса. Узкая полоса света от двери прошла по стали. Кира перестала тянуть Дениса и замерла; я показал ей ладонью отойти дальше за стол.

— Матвей, убери, — сказал Денис. — Ты что, совсем?

Тот не ответил ему. Смотрел на мои перчатки и держал меч перед собой.

— Давай, кулаком попробуй. Я-то тебе не гoblin...

Глава 8

Я остановился у края стола. Матвей стоял ближе к двери, за спиной у него оставалась полоса свободного пола. Между нами — вытянутая рука с мечом. Он держал клинок уверенно; вчера этого хватило, чтобы убить троих, пока они поворачивались ко мне.

Матвей шагнул. Я обошёл угол стола, не давая оттеснить себя к Кире. Он проследил за мной, поправил хват. Злость на нём была написана крупно — тут и навык не требовался, а угадывать, остановится ли он сам, я не собирался.

— Ты вчера по крышам бегал, — сказал он. — Я здесь стоял. Я тебе помог, понял?

— Понял. Клинок опусти.

Он ударил вместо ответа.

Короткий шаг, следом ещё один — и меч прошёл на уровне пояса. Я сместился вдоль стола. Остриё лишь задело край столешницы, срезало щепку. Матвей выругался и потянул клинок обратно, но уже слишком близко подпустил меня.

Я ударил ногой по выставленному бедру. Он просел, хват на мече не разжал, зато плечо ушло вниз. Правой я достал его в челюсть.

Хрустнуло. Матвей отшатнулся, выплёвывая кровь. Я не последовал за ним вслепую — меч оставался в руке. Он упёрся пяткой в порог, попытался поднять клинок и хрипло втянул воздух.

— Матвей, брось! — Денис кричал из-за стола. — Брось его!

Матвей рванулся ко мне, выставив остриё. Я ушёл с линии удара, придержал его руку с мечом и коротко вмазал сбоку — накладкой в висок. Голова мотнулась, меч упал у косяка; Матвей ударился плечом о дверь и осел.

Я отступил от клинка. По перчатке прошла знакомая горячая волна. Я сжал кулак, всё ещё глядя на его руку, хотя она уже была пустой. Матвей лежал с открытым ртом, кровь стекала по подбородку на ворот. Только утром он смеялся у этого стола.

Внимание! Получено 20 Очков Системы.

Уровень: 3 (20/60 Очков Системы).

Двадцать. За гоблина того же уровня перчатки давали пять.

Я убрал сообщение, уже не ожидая, что он шевельнётся. Грудь больше не поднималась. Из открытой двери потянуло сквозняком, и я наконец опустил руки.

Внимание! За убийство союзника вы получаете Кровавую метку!

Кровавая метка

Лишь сильный может нарушать правила! В течение суток любой Игрок вправе убить вас, не понеся никакого наказания. Возможность воскрешения через алтарь заблокирована.

Кира отступила от стола и посмотрела выше моего лица.

— Гром... у тебя над именем красное. «Кровавая метка». Это... из-за него?

Я пробежал глазами условия. Сутки. Любой игрок.

— Да. Теперь меня тоже можно убить без наказания, — я отодвинул меч ногой от порога.

— Ещё воскрешение через алтарь закрыли.

Я перечитал эту строку. Значит, воскрешать здесь умеют — и до этой минуты такая возможность была и у меня. Что за алтарь и где он, я не знал. Потом.

— Он сам на тебя полез! — Кира взялась за край опрокинутой скамьи. Денис придержал другой конец, помог ей поставить.

Я вызвал справку и спросил, считается ли, что напал он. Справка выдала всё то же условие об убийстве союзника. На отсчёте убывали секунды.

— Для Системы он был союзником. Похоже, ей этого хватает.

Рядом с плечом Матвея дрогнул воздух. Я дёрнулся было назад, но над камнем уже висела полупрозрачная карта — ярче тех, что оставались после гоблинов.

Я потянулся и взял её за край. Она потяжелела в пальцах; проступило изображение лица без глаз.

— Ещё что-то дали, — сказал я и сунул карту в свободный карман. Смотреть на неё сейчас не хотелось.

Я снял перчатки и убрал в карту. Денис подтянул к себе табурет и, опираясь на сиденье, стал подниматься с пола. Кира помогла ему встать. Я отвёл скамью в сторону, освобождая им проход к очагу.

— Я видел, как он меч вытащил, — сказал Денис. — Если спросят, скажу.

Кира кивнула, придерживая его под локоть. Я отодвинул свою сумку к стене: Матвея предстояло вытащить наружу.

— Кира, дверь придержи.

Я снял с Матвея пояс, вытащил из карманов куртки карты и ссыпал всё в его сумку — она так и стояла у порога. «Никто не шарит в чужой сумке» — вчера я сам это сказал. Правило было для живых. Сумку я поставил на скамью. Потом взял его под мышки и потянул на плиты. Кира отступила за створку, оставляя мне проход. Подтянул тело к стене со стороны завала и остановился, переводя дыхание. Тяжёлый. Ещё вчера сам помогал мне выносить отсюда убитых.

Кира принесла ткань от полога. Я накрыл лицо и грудь, придавил края камнями. Она осталась возле двери, прижав ладони к животу.

— Похоронить бы.

— Тут камень. Если найдём землю и лопату, вернёмся.

— Он утром дрова принёс. Огонь развёл, — она смотрела на укрытое лицо. — Я не понимаю, как это всё в одном человеке.

— А потом решил, что ты ему за это должна, — я прижал край ткани камнем у плеча. — Идём внутрь.

У завала я задержался и прислушался. Ветер гонял щепки, больше ничего. Что там скребло, пока мы спорили у порога, я так и не увидел.

Мы вернулись. Денис сидел у очага, подобрав под себя здоровую ногу, и сгребал палкой обломки посуды из прохода. Кира подобрала крупные черепки. Я поднял меч, вытер клинок и положил на стол.

Кира потянулась убрать скамейку. Я заметил красные полосы на её запястье.

— Покажи.

Она спрятала руку за спину, потом всё-таки протянула. Там, где её держал Матвей, наливались краснотой следы пальцев. Я повернул кисть, спросил, больно ли шевелить. Она согнула пальцы, качнула головой.

— Только здесь.

Денис палкой подтолкнул ко мне уцелевший черепок. Я отлил в него немного из своей фляги (там оставались считанные глотки) и смочил чистый лоскут. Кира прижала его к запястью и села.

— Крикнуть сразу не вышло. Я скамейку ногой опрокинула, как ты велел.

— Этот стук я и услышал.

— Может, не надо было куртку снимать при них, — сказала она негромко.

— Кира. Ты попросила его отпустить. Всё остальное — его решение.

Она перевернула лоскут, поддержала на запястье и осторожно согнула пальцы. Я убрал меч со стола подальше от её локтя.

— А с красным этим что делать? — она подняла глаза к надписи надо мной. — Его же все увидят.

Я вспомнил про новую карту в кармане. Вынул её, положил на стол. Кира отодвинула черепок с лоскутом.

— Это за него? — она посмотрела на дверь.

Я вызвал описание и прочитал вслух.

Маска безликого убийцы (49%)

Материал: неизвестная кожа.

Класс: Е.

Тип: артефакт Системы, масштабируемый.

Описание: Правила одни для всех, но слабые всё равно умрут. Так почему бы им не послужить ступенькой для твоего возвышения?

Свойства: — Скрывает лицо и всю системную информацию об игроке. — Меняет имя в соответствии с маской. — Временно разрывает связь с алтарями, лишая права на воскрешение. — В случае смерти душа носителя поглощается Системой. Убийца не получает опыта. **Доступно первым 10 игрокам нового мира, убившим союзника.*

— Ступенькой, — повторила Кира. Она скомкала влажный лоскут и убрала его в черепок. — Мы утром вместе ели.

Я тоже не мог отвести глаз от этой строчки. Система не просто разрешала — она зазывала. Я провёл пальцем по карте и вызвал предмет. На ладонь легла зеленоватая кожа, холодная, с прорезями для глаз.

— А красное она уберёт? — Денис подтянулся ближе. — Там же написано: всю информацию.

— Не знаю. Посмотрите на меня.

Я приложил маску к лицу. Кожа растянулась и облепила щёки так плотно, что я сразу подцепил край у виска — проверить, снимется ли. Край поддался; я выдохнул и оставил маску на лице.

Кира отшатнулась.

— Сними.

— Сейчас сниму. Скажи только, что у меня вместо имени.

— «Безликий убийца №6», — она обошла край стола, всматриваясь. — И лицо совсем чужое. Я бы тебя не узнала.

— Только имя красное, — добавил Денис. — Гром, с таким к людям выходить не лучше, чем без маски.

Я стянул маску. В руке она затвердела, словно тонкая корка. Кира осталась стоять, глядя мне в лицо.

— Теперь тебя узнаю. А метка никуда не делась.

— Значит, не так просто, — я открыл справку уже по маске, нашёл красный статус. — Её носителя тоже разрешено убивать без наказания. Даже опыта не получают, зато душу заберёт Система.

Денис отодвинул табурет от стола обратно к очагу.

— К людям в таком не ходи. Я бы дверь не открыл.

— Я тоже, — я повернул маску изнанкой вверх и попробовал вернуть в карту. Получилось. — Но оставляю.

— А что за новый мир? — Кира коснулась края карты. — Ты прочитал: нового мира. А городу конец пришёл восемь местных лет назад.

Я вызвал справку по словам «нового мира» и прочитал уточнение вслух:

— Бонус для игроков недавно инициированного мира. Маска — один из вариантов, — я посмотрел на Дениса. — Выходит, речь о том мире, откуда мы пришли.

— Значит, у нас дома тоже это началось? — спросил Денис.

— По этой строчке выходит, что наш мир уже в Системе. Когда началось и что там происходит, не написано.

Я убрал маску к картам. На дар теперь хватало с лихвой, двадцать свободных очков, но учить его с меткой над головой я не стал: сначала уйти. Три чистые убрал отдельно от дара. В кошельке среди монет нащупал вчерашний ключ и выложил на стол.

— От этой двери? — Кира повертела его, разглядывая волну на головке.

— Здесь брус. И замка я не видел.

Она отнесла ключ Денису. Тот осмотрел трёхгранный конец и покачал головой.

— Не наш. Сохрани, много места не съест.

Я вернул ключ в кошелек и затянул горловину сумки. Денис потянул к себе флагу.

— Уже шестой безликий убийца, — сказал он, глядя на дверь. — Быстро мы тут освоились.

О тех пятерых, что успели раньше меня, я думать не стал.

— Здесь больше не останемся, — я перекинул сумку через плечо и посмотрел на дверь. — Вчера сюда два отряда пришли. С утра над трубой шёл дым. Сегодня у порога человек под тканью, а у меня метка, которую увидит любой. Уйдём, пока не пришли третьи.

— Куда? — Кира подвинула свою сумку к моей.

— За водой. Сначала найдём, где она здесь есть.

— С крыши к вечеру уже ничего не набежит, — сказал Денис. Он поддел палкой ящик, освобождая место возле очага, и остановился. — Тут что-то за ним.

Между стеной и ящиком торчал свёрнутый кусок кожи. Я отодвинул обрезки, достал находку и развернул на столе.

Это была карта местности — кусок выделанной кожи размером с два тетрадных листа, весь в жирных пятнах, а на нём процарапаны и подкрашены чем-то тёмным линии.

Они шли параллельно, ветвились, кое-где заканчивались кружками. В нескольких местах стояли значки — не буквы, а простые пометки: крестик, две черты, что-то вроде треугольника. В левом верхнем углу был нарисован прямоугольник с зубцами.

Я развернул кожу ближе к свету. Кира придержала угол, который всё время сворачивался.

— Это трубы? — она проследила ногтем от толстой линии к нескольким тонким. — Как будто расходятся от одного места.

— Или каналы. Денис, глянь: ты с таким работаешь, — я подвинул находку к краю стола, чтобы он мог рассмотреть, не вставая.

Денис подтянул табурет, опёрся локтем о стол и долго водил пальцем над линиями, не касаясь кожи.

— На разводку водопровода похоже. Вот здесь все сходятся, видишь? Может, воду отсюда подавали. Только где это на улице — по такой картинке не скажу.

— А прямоугольник с зубцами? — Кира повернула кожу к нему. — Стена какая-нибудь? Мы сверху башню видели.

— Может, и стена. А может, так затвор обозначили, — Денис перевернул край, поискал на обороте. — Подписей нет. Я их условных знаков не знаю.

Я попробовал вызвать перевод. Значки остались значками; ни севера, ни масштаба не появилось. Пришлось повернуть схему обратно и разгладить ладонью.

— Если это водопровод, для ремонта к нему должны где-то спускаться?

— Должны. Вот поперечные штрихи могут быть люками. Но могут и чем-то другим, — Денис постучал по коже ногтем. — Найдёшь настоящий люк, соседнее ответвление, поворот — тогда сверяй. Пока это только догадка.

— С ней хоть понятно, что искать, — я показал Кире штрихи. — Пойдём вдоль улицы, посмотрим колодцы и спуски. Если найдём галерею, там можно и воду поискать, и метку переждать.

Кира подала мне шнурок для свёртка. Денис отодвинул табурет, осторожно переставляя больную ногу. Я остановился, ещё не затянув узел.

— Только сначала решим, как быть с тобой...

Глава 9

Денис подбросил в очаг короткое полено. Я присел рядом, Кира устроилась с другой стороны, держа сумку на коленях.

— Я ухажу сегодня. За водой. Ты со мной или останешься?

Он провёл ладонью по больной ноге, посмотрел на дверь.

— До первого поворота буду тащиться полчаса. А если придётся куда-нибудь лезть, вниз или через завал — я там и останусь.

— Могу помочь. Но быстро не получится.

Денис покачал головой, подтянул под себя край шкуры:

— Я боюсь остаться. Очень. Только с тобой сейчас боюсь больше.

Сказал — и отвёл взгляд. Кира перестала перебирать ремень сумки.

— Из-за метки? — спросил я.

— Да. Не потому, что ты его убил. Я видел, как было, и скажу кому угодно, — Денис ткнул пальцем над моей головой. — Но встречный этого не увидит. А рядом с тобой буду я. Ни драться, ни убежать.

Я посмотрел на распухшее колено. Сказать ему, что опасности нет, значило бы соврать.

— Хорошо. Остаёшься. Что нужно сделать, чтобы ты сам мог здесь справляться?

Денис выдохнул и подался вперёд:

— Брус доработать. Сидя сниму, а обратно загнать... Ногу поставить не могу, заваливаюсь.

— Покажи.

Я подал ему руку; он поднялся с пола и, держась за меня, перебрался ближе к двери. Кира поднесла табурет.

— Только не «прощай и удачи», — сказал он, садясь.

— Доделаем. Попробуешь сам, потом уйдём.

Дальше мы работали часа полтора.

Денис показал, до какого места дотягивается сидя. Я поставил у стены опору из обрезков: на неё можно было положить свободный конец бруса, не удерживая всю тяжесть на весу. Кира подавала деревянныешки, Денис пробовал сдвигать запор. С первого раза не получилось — опора мешала его локтю. Передвинули ниже.

— Теперь идёт, — он вытянул конец из гнезда и опустил на подставку. — Обратно давай... Да, так смогу.

Верёвку, что стягивала пролом, я перевязал изнутри — только вокруг поперечных досок, — и наружная скоба освободилась. Оставлять её после вчерашних крюков не хотелось. Я заклинил дверь, расшатал крепёж тесаком, и скоба вышла вместе с куском старого дерева; дыру я забил щепой.

Денис закрыл и запер дверь без моей помощи. Я подёргал снаружи, дождался его ругани и попросил открыть.

— Держит, — сказал я, входя. — Ещё раз проверим перед уходом.

Пока Денис пробовал доставать брус со своего места, мы с Киной разложили еду и воду. Фляга Матвея оказалась пустой — допил за утро. Её я отставил к Денису: будет во что набирать кипячёную, если найдётся.

После лоскута для Кириноного запястья в моей осталось совсем немного. Я перелил остаток в Денисову, где ещё плескалось около половины. Кира придержала горлышко, чтобы не пролить.

— Себе ничего? — Денис потянулся остановить меня.

— Её флягу берём. Пойдём искать воду сразу, больше здесь ждать нечего.

Кира завернула свою пробку и убрала флягу в сумку. Из одиннадцати оставшихся ломтей семь я отдал Денису, четыре завернул для нас.

— Это тебе до завтра. Если задержимся, ешь понемногу.

Он притянул свёрток, помолчал и положил к своей сумке:

— Только не забудьте меня тут.

— Не забудем.

Кресало с кремнем я положил возле его здоровой ноги.

— С этим справишься? Утром Матвей зажигал.

— Я смотрел. Давай попробую.

Денис устроил трут на колене. Первые искры ушли мимо трута; он подвинул руки ближе, ударил ещё раз и накрыл тлеющую крошку ладонями. Подул. Над пальцами потянулся дымок.

— Вот теперь оставляй, — сказал он, перенося трут к очагу.

Кадушку оставил у двери: ночью можно снова подставить под жёлоб. Обещать Денису, что оттуда что-то натечёт, я не стал. Пустой горшок и кувшин с мутным остатком на дне тоже остались здесь, вместе с дровами и растопкой. Его питьевой запас был во фляге.

Меч Матвея положил возле табурета, рукоятью к Денису.

— Запасной будет. Под рукой держи.

Он помедлил, затем подвинул клинок ближе к стене, подальше от больной ноги. Рядом положили трофеи с гоблинов — копыта и прочее железо, которое я вынул из сумки.

— От одного вида мутит. Ладно, оставляй.

— Слушай, я тебя здесь не на три дня запираю, — я придвинул его флягу к табурету. — Постараюсь вернуться с водой сегодня. Если найду людей, пришлю кого-нибудь. Если до завтрашнего полудня ни меня, ни помощи не будет — значит, что-то сорвалось. Тогда уже решай, кого звать, сколько ждать. Три дня с таким запасом не высидишь.

— Как я пойму, что это твои?

Я подумал:

— Скажет, что тебя зовут Денис и что вчера ты подавал обрезки, сидя у очага. Этого с улицы не узнать.

Денис постучал пальцами по брусу.

— А стук какой? Я ж сначала голоса не узнаю.

— Три раза, потом два. И скажут: «Открывай, теплотехник», — я отодвинул от его табурета обрезки, чтобы не мешали ногам. — Но сначала всё равно оклики. Спроси, от кого пришли.

Он повторил стук, выждал и повторил ещё раз.

— Запомнил. Теперь давай сюда мои вещи, сам разложу.

Я взял со скамьи сумку Матвея и вытряхнул остатки на стол: кусок ткани, несколько сухих щепок, два кривых гвоздя и оружейную карту. Я вызвал её описание: ножны для связанного оружия. Для того самого меча, который уже оставил Денису.

Я передал карту Денису.

— К мечу приложи. Он твой теперь, и ножны держи при себе.

Клинок у стены исчез. Денис повернул карту, разглядывая потемневший рисунок, и убрал в нагрудный карман.

Потом положил рядом две сумки — свою и Матвееву.

Бездонная сумка

Класс: F.

Масштабируемость (2/7).
Бездонная сумка

Класс: F.

Масштабируемость (2/7).

Обе — два из семи.

Я освободил свою сумку перед объединением.

На стол я переложил дорожные вещи: верёвку, ткань, наши четыре ломтя, кошель, гвозди, трофейный нож, карты навыков, карту маски и кожаную схему. Кольчуга оставалась под лежанкой, кремень с кресалом — у Дениса.

Я взял обе сумки за ремни, вложил одну в другую и пожелал объединить.

Желаете объединить предметы?

Да/Нет

«Да».

Полыхнуло тускло. Ремни расплылись, потянулись друг к другу — и в руках у меня осталась одна сумка.

Бездонная сумка

Класс: F.

Масштабируемость (4/7).

Четыре из семи.

Вес всё ещё делился на десять. Я убрал окно и принялся складывать вещи обратно.

Кира подала мне свёрнутую схему, затем подтянула к себе свою сумку.

— Если мою тоже сложить, будет пять.

— А если разделимся? — я убрал карту маски между двумя картами навыков и затянул горловину. — У тебя должны остаться своя вода и свои вещи.

Она посмотрела на флягу у себя в сумке, подумала и застегнула клапан.

— Ладно. Эту оставим.

Я извлёк перчатки и надел, проверяя застёжки. Край повязки не цеплялся за манжету. Кира отодвинула свою сумку, взяла меня за левый рукав и потянула ближе.

— Дай прихвачу. У тебя в эту дыру ещё полруки пролезет.

Она вытянула нитку из края запасной рубахи. Вместо иглы взяла тонкую щепку с прорезью: продавливая ею дырочки в грубой ткани и протаскивала нить следом, а я держал края вместе.

— Я иду с тобой. Ты можешь не объяснять ещё раз про метку: я всё слышала, когда вы с Денисом говорили.

Я подвинул локоть на стол, чтобы ей не пришлось тянуться.

— Хотел предложить тебе выбор. Со мной тоже опасно, ты это понимаешь?

— Понимаю. Но я же видела, что ты сделал. Ты ещё до этого рассказал мне, о чём он говорил, не промолчал. А когда я позвала, пришёл, — она посмотрела на угол за лестницей. — Я всё равно одна не справлюсь. Лучше пойду с тобой, чем буду здесь ждать следующего.

— Здесь хотя бы дверь есть.

— Дырявая. И Денис, который не может ходить. Я не между опасным и безопасным выбираю.

Она заговорила громче и сразу посмотрела на Дениса. Тот перебирал щепки у очага. Поднял глаза, кивнул ей и снова занялся растопкой.

— Я не обижаюсь, — сказал он. — Иди. Мне бы самому на ногу встать.

Кира затянула последний стежок, обрезала нитку кинжалом и вернула его в карту.

— Я не умею драться. Мне всё равно нужен кто-то рядом. И я хочу пойти с тобой.

— Хорошо, — я согнул руку, проверяя шов. — Тогда по дороге не отставай. В бою не бросайся помогать: смотри вокруг и предупреждай. Как с крышей.

Она поправила куртку на плечах и проверила карман с картой.

— Поняла.

— И если скажу бежать, беги.

Кира застегнула последнюю пуговицу и замолчала. Я подождал.

— Я поняла. Но не обещаю, что смогу.

— Тогда хотя бы не стой на месте. До укрытия доберись, а там решишь.

Она кивнула. Я поднялся и подтянул пояс, оставляя ей место у стола.

К выходу собрались после полудня.

Я проверил сумку и то, как она сидит.

— Нам обоим мала, — сказал я, подвигая кольчугу к Денису. — Но, может, расплетёшь, на защиту пустишь. Хоть на колено.

Он поднял край, перебрал кольца пальцами и усмехнулся.

— Этому уже не поможет. А на будущее — подумаю. Железо не пропадёт.

Топор и щит тоже оставил Денису — прислонил к стене так, чтобы дотянулся с табурета. Мне они в сумке не мешали бы, но ему здесь защищать дверь.

Сумку — через плечо, обе оружейные карты — по карманам; клапаны застегнул, чтобы не выронить при падении. Трофейный нож, остаток верёвки и свою пустую флягу убрал в сумку. Тесак сунул за пояс, хотя и не собирался им драться; им можно было рубить дерево и поддевать.

Кира взяла сумку и флягу, проверила карту с кинжалом под клапаном. Я дождался, пока она застегнёт карман, и пропустил её к двери.

У двери мы остановились.

— Запирай сразу за нами, — сказал я, придерживая дверь для Кире. — И флягу поближе поставь, чтобы не ползать за каждым глотком.

Денис подтянулся на руках к табурету и положил ладонь на брус.

— Помню. До завтра жду, потом сам решаю, — он посмотрел мимо меня на улицу и негромко добавил: — Спасибо, что не просто вещи поделили и ушли.

Я подождал, пока он удобнее сядет и возьмётся за запор, затем вышел следом за Кирой.

Дверь за нами закрылась, и я услышал, как брус лёг в гнезда — сначала в правое, потом в левое, и как Денис загнал щепу под нижний угол.

Кира посмотрела на накрытое тканью тело у стены и отвернулась.

— Идём, — сказал я.

Дорога заняла часа три.

Я шёл первым, держась ближе к стенам, где меньше открытого пространства. Кира шла в двух шагах позади. На осыпавшихся плитах я подавал ей руку; она придерживала сумку, чтобы не цеплялась за обломки.

Мы двигались от поворота к повороту. Схему я держал в голове — вернее, то небольшое, что успел из неё понять: линии, расходящиеся от одного места, прямоугольник с зубцами в углу, разветвление, штрихи, которые я счёл люками.

Первым делом я стал искать эти люки на улицах.

И через час нашёл.

В переулке за выгоревшим домом, в углу, куда натекло дождевой грязи, из-под мусора торчал край каменной плиты с квадратным отверстием, забитым слежавшейся землёй и заросшим травой.

Землю я расковырял тесаком.

Под ней оказалась дыра сантиметров сорок в поперечнике и уходящие вниз железные скобы. Пахло сыростью, холодом и гнилью.

Я бросил вниз камешек. Стукнуло почти сразу — метра три, не больше, и о камень, не о воду.

— Сухо, — сказал я.

— Полезем?

Я посмотрел на дыру ещё раз. Плечи пройдут впритирку. Спуститься можно, но если внизу кто-то есть, я окажусь над ним на скобах, а Кира останется наверху. Пока найду опору, он уже меня достанет.

— Не полезем, — сказал я. — Не сюда. Мне нужен вход, в который можно войти ногами, а не влезть головой.

— Есть такие?

— Будем искать, — я подцепил тесаком сброшенный мусор и придвинул обратно к люку. — Может, где-нибудь есть вход пошире. А в этот я сейчас не полезу.

Я запомнил место.

Мы двинулись вниз, к морю: улицы всё время понижались, и я решил: подадут эти трубы воду или отводят, стекает она всё равно вниз.

Дважды мы прятались.

Первый раз — от гоблинов. Их было четверо, они шли по параллельной улице метрах в семидесяти, и один из них нёс на плече что-то похожее на свёрнутую сеть. Мы переждали в пустом дверном проёме, пока они ушли за угол. Начинать новую драку ради нескольких очков, когда нужно найти воду до темноты, я не собирался.

Кира не издала ни звука.

Второй раз — от людей.

Я увидел их первым: двое, в серо-бурых куртках, шли по нашей улице навстречу, шагах в ста пятидесяти. Один впереди, второй чуть позади.

Я схватил Киру за рукав и втащил в развалины дома.

Мы залегли за остатком стены. Я осторожно приподнял голову.

Игроки. Оба с зелёными подписями, но с такого расстояния я не разобрал ни имён, ни уровней. Шли не таясь, разговаривали.

Кира приподнялась, увидела зелёные подписи и посмотрела на меня. Я положил ладонь ей на плечо: подожди.

Игроки прошли мимо, метрах в тридцати. Я слышал обрывки разговора: «третий уровень», «за складом никого». Оба смотрели вперёд, нас за стеной не заметили.

Когда голоса стихли, я поднялся и помог Кире выбраться из обломков. Она стряхнула пыль с колен.

— Воды у них можно было спросить.

— Можно. Но сначала они увидели бы метку. Не хочу ещё одного боя из-за чужой догадки.

Кира поправила ремень сумки и пошла рядом со мной к выходу из развалин:

— А если другого способа не будет?

— Тогда попросим. Пока посмотрим, куда ведут эти трубы.

Галерею мы нашли ближе к вечеру.

Улица, по которой мы спускались, кончалась не тупиком, а спуском: широкие каменные ступени вели вниз, к небольшой площадке между двух стен. Раньше здесь, наверное, было что-то вроде хозяйственного двора; сейчас — заросшая травой яма с натёками грязи.

И в дальней стене этой ямы была арка.

Не люк. Настоящая арка, метра два в высоту и полтора в ширину, сложенная из тёсаного камня. Из неё тянуло холодом и сыростью — не гнилью подвала, а живой водой.

А в арке стояла решётка.

Кованая, из толстых прутьев, вделанная в камень, с петлями и с засовом — я увидел это, подойдя ближе: решётка была не глухая заслонка, а дверь.

И засов был с той стороны.

Я подошёл вплотную и заглянул.

За решёткой был короткий тамбур, а дальше начинался ход — уходящий во тьму коридор со сводчатым потолком. По дну шёл жёлоб, и в жёлобе, метрах в трёх от входа, блестело.

Вода.

Я ухватился за прут, всматриваясь в блеск на дне жёлоба.

— Вода? — Кира подошла рядом, заглянула между прутьями.

Я подёргал решётку. Засов держал, петли были с той стороны. Поднял голову: железо уходило до самого свода.

— Сверху не перелезть, — я отступил, осмотрел кладку. Швы плотные, камень целый. — И это быстро не разберёшь.

В глубине стукнуло. Я замер. Потом послышался голос, человеческий, слов не разобрать.

Кира повернулась ко мне, уже открывая рот. Я приложил палец к губам и прислушался. Ещё шаги, звякнул металл. Кто-то там работал.

Она придвинулась к моему плечу.

— Позовём?

Я достал пустую флягу, покрутил в руке. В Кириной, которую мы тянули всю дорогу, оставалось на дне. До темноты часа два, до окончания метки — завтрашний полдень. Воду мы нашли, дальше ходить по развалинам с пустой посудой смысла не было.

— Ты позовёшь. Скажи, что нас двое и нужна вода. Я останусь на виду, но чуть в стороне.

— Чтобы сначала меня увидели? — она посмотрела над моей головой, на красное.

— Да. Кинжал пока не доставай.

Кира поправила ремень сумки и подошла к решётке. Взялась за прут, постояла секунду и позвала:

— Эй! Нас двое, нам нужна вода! Там кто-нибудь есть?

В глубине стихли шаги. Я остался в трёх шагах позади и правее Киры, разжав кулаки.

— Откуда пришли? Оружие есть? — отозвался мужчина.

Звуки были чужими, а смысл доходил сам — похоже, это и был «Язык Системы» из моей таблицы. Гоблинское лаянье он мне так и не переводил. Я повернулся к Кире: она уже отвечала, будто услышала обычную речь.

— Мы игроки. У меня кинжал, у него нож и перчатки. Нам хотя бы напиться.

В темноте щёлкнуло, зажёгся огонёк. Лампа под стеклом приближалась по коридору, высвечивая мокрые камни свода. Кира сжала прут обеими руками.

Лампу нёс мужчина лет пятидесяти, коренастый, с седой щетиной и совершенно лысой головой. Одет он был в кожаный передник поверх рубахи, а на поясе висело столько железа, что он звенел при каждом шаге: молоток, клещи, что-то ещё, чего я не разобрал.

За ним, в пяти шагах позади, стояли ещё двое — помоложе, с чем-то вроде коротких пик или багров.

Мужчина подошёл к решётке и поднял лампу.

Свет упал на Киру.

Он посмотрел на её лицо, на грязную куртку, на пальцы, обхватившие прут. Потом поднял лампу выше и прочитал то, что было у неё над головой.

Что-то в его лице изменилось — самую малость; до десятки в восприятии я бы этого и не заметил.

— Кира, — сказал он. — Первый уровень.

— Да.

— А второй где? — мужчина приподнял лампу, заглядывая ей за плечо.

И тогда он перевёл свет.

Свет пошёл по земле, по камням, поднялся по моим сапогам, по штанам, по куртке с прихваченным ниткой рукавом. По металлическим накладкам на перчатках. По лицу.

И остановился выше.

Задержался на надписи надо мной. Надолго.

Потом он опустил лампу. Другая рука уже лежала на засове — отодвинуть его он успел, пока разглядывал Киру, — и теперь толкнула засов обратно в гнездо.

Металл лязгнул по камню.

Двое позади него шагнули ближе и опустили багры.

— Так, — сказал лысый. Голос у него стал ровный и очень усталый, как у человека, которому в конце длинного дня принесли ещё одну беду. — Значит, вот оно что.

— Послушайте... — начал я.

— Помолчи пока.

Он снова поднял лампу и посмотрел на Киру. Внимательно, долго, всматриваясь ей в лицо.

— Девочка, — сказал он. — Ты знаешь, что у него за метка?

— Знаю, — сказала Кира.

— И ты сама с ним пришла? Тебя никто не держит?

Кира обернулась ко мне, затем снова посмотрела на него.

— Сама. Он меня спас.

Лысый вздохнул.

— У нас за этой решёткой двадцать три человека, включая детей, женщин и стариков, — он перехватил лампу и свободной рукой проверил, до конца ли вошёл засов. — Мы тут выживаем уже несколько лет, а защищать их некому. Эти двое — насосники, не бойцы. Воду бережём по глотку. И ты хочешь, чтобы я впустил к нам человека с меткой?

— Он не...

— Я не спрашивал, какой он, — жёстко сказал лысый. — Я его не знаю. Я знаю только то, что мне показала Система, а она мне показала, что этого человека сегодня можно убить, и никому за это ничего не будет. Такое просто так не выдают.

Он опустил лампу и посмотрел на меня — прямо, без страха, но и без всякой готовности разговаривать.

— Ты стой, где стоишь.

Я стоял.

Он снова повернулся к Кире.

— Тебя я впущу. Дам воды, поесть и место у стены. Устроишься с нашими девушками. Тебя не тронут, за это я отвечаю, — он положил ладонь на засов и повернулся ко мне. — А ты останешься снаружи...

Глава 10

Кира стояла вполоборота, держась за железо, и смотрела на лысого так, как смотрят на человека, который только что предложил что-то невозможное и сам ещё не понял этого.

— Нет, — Кира крепче обхватила прут и качнула головой.

— Подумай, — лысый не повысил голоса. — Внутри стена, кровля, немного еды и кипячёная вода. Снаружи скоро стемнеет.

— Уже.

Она разжала пальцы. Железо оставило на ладони бурую полосу. Кира вытерла руку о бедро, сделала два шага назад и встала рядом со мной — не за спину, а слева, так что мы оказались плечом к плечу перед решёткой.

— Я с ним пришла и останусь с ним, — сказала она. — Если у вас нет для него места, значит, и для меня нет.

Двое с баграми переглянулись. Лысый поднял лампу к лицу Кире. Она не опустила глаз. Сумку сняла с плеча и поставила у своей ноги, с моей стороны.

— Ладно. Твоё дело, — он отступил от прутьев.

— Воды хотя бы дайте, — я достал из сумки пустую флягу. — Две фляги. Не заходя. Через прутья.

Я просунул флягу в промежуток между прутьями. Проходила впритирку, но проходила.

Лысый обернулся к своим и что-то сказал коротко, одним словом. Один из багорщиков ушёл в темноту коридора и вернулся с ведром. Не полным — на треть; вода плеснула о стенку, когда он опустил ведро на камень.

— Давай посуду.

Он взял протянутую флягу, не касаясь моих пальцев, повернул, посмотрел на клеймо на боку, хмыкнул чему-то своему и опустил в ведро. Фляга булькнула и стала тяжёлой; он вынул её, дал стечь и вернул тем же путём.

Кира подала свою. Её он наполнил точно так же и точно так же посмотрел на клеймо.

— Дальше по улице, шагов четыреста вниз, есть цистерна, — сказал он. — Была. Восемь лет назад была.

— А ближе?

— Ближе только то, что за этой решёткой.

Я откупорил флягу и выпил четыре глотка подряд.

Вода была холодная, с привкусом железа и чего-то травяного, и первые два глотка провалились так, будто я их не пил вовсе. На третьем горло перестало саднить. На четвёртом я остановился, потому что если пить дальше, то остановиться станет трудно.

Я протянул флягу Кире.

— Своя есть, — сказала она.

— Пей из моей. Свою сохрани полной.

Она посмотрела на меня, потом на флягу, потом взяла. Пила долго, запрокинув голову; горло ходило под кожей, и с подбородка сорвалась капля и ушла под ворот. Оторвалась от горлышка, выдохнула, вытерла рот тыльной стороной запястья и вернула мне.

— Ещё глотни, — я придержал её руку, когда она вернула флягу. — До следующей воды неизвестно сколько.

Кира сделала глоток, закупорила и убрала мою флягу в свою сумку рядом с полной.

Я подтянул ремень сумки, переводя её к боку, и посмотрел через прутья.

Лысый всё ещё держал лампу у решётки. Один из багорщиков позвал его из коридора; он отмахнулся, не оборачиваясь.

— Сколько до темноты? — спросил я.

— Час с небольшим, — он поднял голову к полосе неба над двором. — Потом с моря потянет, и станет хуже видно, чем сейчас.

— Ночью здесь ходят?

— Ходят, — он помолчал. — Не мы.

Я посмотрел на двор. Заросшая яма, ступени, кладка в натёках. Ни одной двери, кроме этой. Ни одного окна ниже третьего этажа.

За спиной, в пятидесяти шагах, начинались развалины, где можно было лечь и переждать. Я уже провёл одну ночь в чужом доме с брусом в гнёздах и живым человеком за спиной; лежать в яме под открытым небом было бы шагом назад.

— Ещё вопрос. Тот источник, откуда вы берёте, к нему есть подход снаружи? Не через вашу дверь. Колодец, люк, что угодно.

Он опустил лампу. Огонёк качнулся, и по мокрому своду за его спиной поползли тени.

— Есть, — сказал он неохотно. — Смотровой колодец. Вон туда, за выступ, и по боковой улице. Только там сейчас наши люди работают, и я тебе не сове...

Он не договорил.

По боковой улице бежали.

Я услышал это раньше, чем он замолчал: неровный, сбивающийся топот — так бежит человек, который уже не может выбирать, куда ставить ногу. И сразу за ним, отставая на пару секунд, другой звук, drobный и частый, в несколько пар ног.

Я шагнул с открытого места за выступ стены и увидел его первым.

Из-за поворота выскочил человек. Взрослый, в такой же грубой рубаше, как у багорщиков, только без передника; левая щека у него была рассечена от скулы вниз, и вся эта сторона лица блестела чёрным в сумерках. В кулаке он сжимал обрывок ремня — просто обрывок, ни к чему не прикреплённый, и бежал с ним так, будто это было важно.

— Наш! — сказал лысый.

Засов пошёл из гнезда.

Человек добежал до ступени перед решёткой, попал ногой мимо и начал падать вперёд. Я поймал его за плечо и за ворот, погасил падение и развернул — не к решётке, а к выступу, где стена закрывала от боковой улицы.

Он вцепился в меня обеими руками. Дышал так, что говорить не мог, только тянул воздух и смотрел мне куда-то поверх головы — увидел, наверное, и всё равно не отпускал.

Пальцы у него были мокрые. Не от крови — от воды: рукава мокрые до локтя, и подол тоже, и сапоги оставляли на камне тёмные следы. Он работал в воде и убежал из воды.

— Кто за тобой? — спросил я.

Он мотнул головой в сторону улицы.

— Сколько?

— Пять, — он выдавил это и сразу закашлялся. — Пять или шесть. Савель в колодце. Я не вытаскил.

Кира уже была рядом. Сама, без команды, подхватила его под локоть с другой стороны и потянула вдоль стены к открывающейся решётке.

— Живой он? — спросил я.

— Кричал ещё.

Этого было достаточно.

Я отпустил его. Кира повела его последние шесть шагов, лысый распахнул створку ровно на ширину плеча, и двое с баграми втянули человека внутрь так быстро, что я даже не заметил, кто из них его взял.

Створка пошла обратно.

— Внутрь! — лысый протянул руку к Кире.

Кира не взяла протянутую руку и вернулась за каменный выступ. Обе фляги глухо стукнулись в её сумке.

Створка стукнула. Засов лязгнул.

Я не стал смотреть, что там у них за спиной. За углом уже было слышно не только бег, но и голоса: короткие, лающие, с тем захлёбывающимся подвыванием, которое у них обозначает азарт погони.

Стоять здесь я не собирался.

Здесь у меня за спиной была запертая решётка, справа ступени, слева десять шагов открытого двора. Если они выкатятся сюда всей пятёркой, им будет где разойтись, а у меня за спиной — стена, и Кира где-то в этом дворе.

А в двадцати пяти шагах от нас, за поворотом, улица сужалась: там едва разошлись бы трое. Их цепь растянулась вдоль неё.

— За выступ, — сказал я Кире. — Поглубже. И не выходи, пока не позову.

Она уже двигалась.

Я подтянул сумку за спину, застегнул клапан и сжал кулаки. Кожа у перчаток была чужая, разношенная, но за вчерашний день села по руке; ремни я перетянул ещё утром, на одно отверстие туже, и накладки садились на костяшки намертво. Теперь нож не требовался даже для добивания.

Пятеро в узкой улице.

Не пятеро в ряд — пятеро цепью, растянутой шагов на десять, потому что они бежали за одним человеком и торопились каждый сам по себе. Между первым и последним будет две-три секунды. Это не строй. Это очередь.

Я вышел к углу так, чтобы выступ был у меня за правым плечом.

И пошёл.

Первого я встретил на выходе из-за выступа.

Он бежал впереди всех, шагах в четырёх от поворота, с дубиной на плече, и голова у него была повернута назад — он что-то кричал остальным, торопил или делил добычу заранее. Он увидел меня в тот момент, когда я уже входил в его шаг.

Ему хватило времени только на то, чтобы начать снимать дубину с плеча.

Я ударил под этот замах, изнутри, левой, в скулу. Голова мотнулась в сторону и назад, ноги ещё шли вперёд. Он начал заваливаться боком, и я добавил правой — коротко, накладкой, в то же место, куда уже пришёлся первый удар.

Хруст я почувствовал перчаткой раньше, чем услышал. Из разбитого рта брызнуло на стену.

Он упал набок и не стал подниматься, дубина выскочила из пальцев и покатилась к моим ногам.

Тонкая строчка мигнула на краю зрения и погасла — читать было некогда.

Я переступил дубину. Наклоняться за ней не стал: мне хватало того, что было на руках.

Второй тормозил в трёх шагах, уже разворачивая короткое копьё поперёк себя. Он был осторожнее первого: не полез вперёд через падающего, а подался в сторону, к стене, чтобы ткнуть меня сбоку.

Я не дал ему выбрать дистанцию.

Шагнул навстречу, поймал древко наружной стороной предплечья — не хватая, а сбивая, так что наконечник ушёл мимо бедра и чиркнул по кладке. Пока он тянул копьё обратно, я прошёл вдоль древка и оказался вплотную.

Вплотную у него ничего не было. Копьё длиной в его рост в такой дистанции — палка, за которую он держался обеими руками.

Я ударил снизу в челюсть. Голова щёлкнула, как у первого, только выше и резче, и он сел на землю. А копьё ещё пару мгновений стояло, упёршись наконечником в шов кладки, и медленно завалилось следом за ним.

Он ещё шевелился. Я наступил ему на кисть, чтобы не нашёл ножа, и добил сверху, в висок.

Двое.

Я успел заметить, что первый был крупнее второго и что у второго на предплечье намотана тряпка — старая, бурая, в несколько слоёв. Кто-то из людей его уже цеплял и не добил.

Третий с четвёртым набежали почти вместе — и вот здесь мне стало тесно.

Тело второго лежало поперёк узкого места, и копьё лежало, и на это ушли те полсекунды, которые они потратили на перепрыгивание. Ровно столько, сколько мне хватило на шаг назад — туда, где улица расширялась.

Один из них, с ножом, перепрыгнул и тут же заорал — тонко, на одной ноте, поворачивая голову назад, к остальным. Не от страха. Он звал. Он отбегал, оглядывался и снова кричал, не выпуская ножа. За поворотом вполне могли быть ещё — проверять вслед за ним я не собирался.

Второй, тоже с ножом, не орал. Он скользнул вдоль стены мимо меня — к выступу.

Туда, где стояла Кира.

Я увидел не его намерение, а его ноги. Как он поставил левую и как развернул под неё бедро. Он не собирался драться со мной. Он собирался пробежать.

Кричащего я оставил.

Второму хватило двух моих шагов. Я догнал его на третьем его шаге и ударил ногой сбоку в опорное колено. Не для того, чтобы убить, а чтобы сложить, и он сел, крутанувшись, и рука с ножом ушла в сторону от меня.

Добил сверху.

Три.

Краем глаза я увидел, как за выступом качнулась тень: Кира ушла глубже за камень, и в её руке было что-то короткое и светлое. Умница. Не выскочила.

Оставшиеся двое (копейщик и тот крикливый с ножом) сообразили, что бежать в мою сторону им незачем, и стали пятиться к колодцу.

Это меня устраивало.

Я пошёл за ними.

Улица здесь расширялась и упиралась в круглую площадку, посреди которой торчал каменный обод колодца — невысокий, в ладонь над землёй, с истёртым краем. Ближе к перекрёстку через улицу шёл деревянный настил на толстых стойках, соединявший верхние ярусы. На нём никого не было. Слева от него в стену уходил боковой лаз, и над лазом лежала плита, съехавшая с опор и подпёршая сама себя; под ней темнело.

Копейщик встал за колодцем и выставил древко. Крикливый заходил мне за спину, мелко переступая и не решаясь начать.

Они хотели, чтобы я ткнулся в копьё, а второй достал меня сзади. План был неплохой. Он требовал, чтобы я пятился вслепую.

Я не стал пятиться. Я обошёл — коротко, приставным, забирая вправо, и вышел так, что обод колодца оказался слева от меня, копейщик прямо, а крикливый вынужден был либо обегать меня по широкой дуге, либо оказаться у копейщика на линии.

Он побежал по дуге. Я услышал, как он сорвался с места.

И вошёл в копьё.

Копьё — это рычаг. Человек, который держит рычаг двумя руками, силен на конце и слаб у своих кистей. Я взял древко чуть выше его переднего кулака, не за наконечник и не за

середину. Ухватился там, где оно уже принадлежало ему, и рванул поперёк — не на себя, а вбок и вниз.

Он поехал за своими руками.

Пока он переставлял ногу, я ударил пяткой ему в бедро, снаружи, по мышце. Нога подломилась. Он опустился на одно колено, всё ещё не выпуская древка, и в этот момент мне стало удобно.

Я отпустил копьё, перенёс вес и ударил его правой — раз, в переносицу, и второй раз, когда голова уже уходила, в висок.

Он лёг лицом на обод колодца и сполз.

Четыре.

Крикливый добежал.

Он был последним и понимал это, поэтому шёл не как убийца, а как тот, кому надо проскочить; нож он держал перед собой, будто это могло меня остановить.

Я встретил его на встречном шаге. Левой в корпус, под рёбра — он сложился пополам, и воздух вышел из него со звуком рвущейся тряпки. Правой в голову, сверху вниз, по затылку.

Нож звякнул о камень.

Пять.

Я постоял, опустив руки, слушая. Дышал ровно; сердце шло быстро, но не колотилось. Внутри было то холодное и ясное, что всегда приходило после третьего-четвёртого боя за вечер: усталости ещё нет, «Марафонец» своё отрабатывал, а осторожность уже не мешает.

Никто больше не бежал.

Я вызвал строчки только теперь.

Пять коротких сообщений, одно под другим, и общее внизу.

Уровень: 3 (45/60 Очков Системы).

Двадцать пять за пятерых — по пять за каждого, значит, все второго уровня. До перчаток ради этих очков пришлось бы добивать ножом. Сегодня на кулаках осталась кровь, а в окне — всё, что причиталось.

Я убрал окно.

— Кира, — позвал я, не оборачиваясь. — Иди по середине улицы. Кинжал не убирай.

Она вышла из-за выступа не сразу — секунд через пять, и шла именно так, как я сказал: по середине, обходя тела не по краю у стены, а по открытому. Губы у неё побелели, лицо было собранное; ступала она аккуратно, как по грязи.

Кира переступила брошенное копьё и остановилась возле меня.

— Я только до десяти досчитала, — она показала кинжалом назад. — Думала, дольше будешь.

— Хорошо считаешь, — я отодвинул ногой древко от края колодца.

Кира посмотрела на мои руки, потом мне в лицо. Уголок её рта дрогнул.

— Предупреждай в следующий раз. Я бы хоть отвернулась.

Я усмехнулся и наклонился над колодцем.

— Мне вчера одного мёртвого хватило, — она поджала губы, глядя на гоблина у обода.

— На всю оставшуюся жизнь.

И тогда снизу, из-под плиты у бокового лаза, заскрежетало.

Не камень. Железо по камню, коротко и часто, и вместе со скрежетом — голос.

— Эй! Эй, наверху!

Человеческий.

Я упёрся ладонями в обод и заглянул глубже.

Колодец был неглубокий, как такие и бывают: метра три с небольшим до нижней опоры. В стене шли скобы — старые, но толстые, вбитые накрест. На боковой площадке ниже обода

стояла лампа с закрытым стеклом, и фитиль в ней горел низко и ровно, и в этом свете я увидел человека.

Он уже добрался до верхних скоб, но дальше не шёл: висел, вцепившись обеими руками в железо, а правой стопой упирался в трубу вдоль стены. Он был плотный, в разорванной рабочей куртке, лысый, с седой щетиной на висках. Лицо посерело от натуги.

— Савель? — спросил я.

— Савель, — сказал он, и голос сорвался. — Ты кто?

— Тот, кто тебя вытащит. Держись, не перехватывайся.

Я перекинул ногу через обод, чтобы лечь грудью и посмотреть глубже.

И увидел, что он там не один.

Слева от него боковой лаз выходил на площадку в полуметре ниже обода. Под съехавшей плитой, в щели между камнем и этой площадкой, шевелилось. Плита придавила обоих поперёк пояса — мелких, раза в полтора меньше тех, что лежали у меня за спиной. Один был близко и уже вытянул руку; когти скребли по скобе в ладони от савельевых пальцев.

Второй, глубже, только поворачивал голову и разевал пасть.

Савель поджал ногу и переставил хват выше.

— Оно меня достанет, — сказал он спокойно, как о погоде. — Раньше не доставало.

Кира опустилась на колени с другой стороны обода. В её руке уже был кинжал.

— Я вижу голову, — сказала она.

Глава 11

— Не двигайся, — сказал я Савелю. — Хват не переключай. Ногу оставь, где стоит.

— Да уж стою как умею.

Я снял сумку, поставил у обода и вытянул верёвку. В бухте оставалось метров шесть — для неглубокого колодца хватало.

Тумба у горловины колодца была вытесана вместе с ободом, старая, с забитыми в неё железными штырями. За такую можно было заводить.

— Кира.

— Я вижу, — повторила она, не поднимая головы.

Она смотрела не на меня и не на Савеля, а вниз, на ту руку. Лицо у неё было очень неподвижное.

— Голова доступна? — спросил я.

— С этой стороны — да.

— Тогда убери его. Только не лезь в щель. Оставайся на ободу, работай сверху вниз.

Она кивнула.

Я завёл верёвку за тумбу, оставляя Киру сбоку в поле зрения.

Я слышал.

Слышал, как она переступила, ища упор; как скрипнула подошва по мокрому камню; как она коротко, сквозь зубы, выдохнула и сказала себе что-то одним слогом. Потом стало тихо — по-настоящему тихо, и в этой тишине раздался мягкий, вязкий звук, который ни с чем не спутаешь, и сразу за ним скрежет когтей по железу оборвался.

— Есть, — сказала Кира.

Голос у неё был ровный, а дыхание — нет.

— Второй?

— Он шевелится. До него дальше.

— Обойди по ободу. Не тянись через первого.

Она пошла по ободу, короткими шагами, проверяя ногой мокрый камень. Опустилась с другой стороны. Я закончил вязать петлю и посмотрел вниз.

Второй запрокидывал голову, стараясь дотянуться до неё пастью. Плита держала его поперёк таза; лапы работали вхолостую, скребли по полу. Кира примерилась дважды — ждала, пока он опустит морду, и ударила на третий, сверху, коротко.

Она попала не сразу туда, куда хотела. Вошло сбоку, под ухо, и тварь задёргалась, и Кира дёрнулась вместе с ней, не выпуская рукояти. Тогда она навалилась плечом, продавila и повернула.

Стало тихо.

Она вытащила клинок не с первого раза: пришлось упереться свободной рукой в край камня. Потом села на пятки, держа кинжал от себя, и стала смотреть на лезвие.

— Вытри и убери, — я придержал верёвку коленом и показал на рукав убитого.

— Он скользкий.

— Знаю. Вытри об их тряпьё. Не о свою куртку.

Она сделала, как я сказал. Руки у неё дрожали, но она довела до конца и убрала оружие, и только после этого посмотрела на меня.

— По два дали, — Кира сунула карту в карман и вытерла ладони о штаны. — Четыре всего.

— Теперь свет поддержи, — я подтянул петлю к краю обода.

Она спустилась на площадку, подняла лампу и направила свет на скобы.

Савель следил за нами снизу, не тратя дыхания на разговоры.

Я спустил ему петлю.

— Обе руки не отпускай. Просунь голову и одно плечо, потом второе. Верёвка под мышками.

— Учи учёного, — буркнул он и полез в петлю.

Он сделал это медленно и правильно: сначала левую руку и голову, потом переставил хват и вдвёл правое плечо. Пока он возился, я пропустил ходовой конец за штырь на тумбе, обвёл вокруг, зажал под ступню нижний виток и взял слабинку на себя.

Не поднимать — страховать. Последние скобы он одолеет и сам, если руки держат, а у него кисти уже разжимались; мне нужно было, чтобы он не сорвался, пока переставляет ноги.

— Пошёл, — сказал я. — По скобам. Я выбираю за тобой.

Он пошёл.

Первая скоба далась ему легко, на второй нога соскользнула с трубы, и он повис; верёвка натянулась, штырь скрипнул, и я выбрал полметра и держал, пока он ощупью искал опору. Кира опустила лампу ниже и подсветила ему под сапог.

— Правее, — сказала она. — Ещё правее. Там выступ.

Он нашёл выступ.

На последней скобе он выбросил локоть на обод, и я взял его за ремень на спине и вытянул.

Савель перевалился грудью через камень, полежал так пару секунд и сел на землю, вытянув ноги. Куртка у него была разорвана от плеча до лопатки, колено содрано, на голени темнел кровоподтёк во всю ладонь. Он ощупал себя, будто проверял, всё ли доехало.

— Ох, ты ж... — он не договорил и выдохнул сквозь зубы.

Кира подала ему мою флягу, не спрашивая.

Он взял, отпил, закашлялся, отпил ещё и вернул. Потом впервые поднял голову и посмотрел на меня как следует.

И увидел то, что над головой.

Я выбирал из-под него верёвку. Савель посмотрел на красное, потом на Киру, потом на трёх мертвецов, которых от его места было видно, потом снова на меня. И ничего не сказал про метку.

— Наших там не было? — спросил он.

— Один добежал до решётки. Со щекой.

— Пимка, — он поморщился. — Ладно. Хоть один.

— Вас сколько было?

— Трое, — он показал подбородком на колодец. — Я внизу, фильтр перебирал. Пимка наверху принимал, третий у поворота стоял, смотрел.

— Где третий?

— А ты не видел? — Савель поднял голову. — Он у поворота и стоял.

Я вспомнил улицу. Пять тел, один обод колодца, никаких других.

— Не видел.

— Может, утащили, — Савель поскрёб ногтем присохшую к рукаву грязь. — Барма его зовут. Если где увидишь...

Он замолчал ненадолго, потом мотнул головой, будто сгоняя это с себя.

— Я как услышал возню, полез наверх. А они уже у обода. Я обратно, а навстречу эти двое, из лаза. Они там под плитой сидели. Обвал старый, я сам не полез смотреть, кто под ним остался. Голодные, — он потёр запястье, на котором остались белые полосы от скобы. — Ну я и повис между ними и этими. Полчаса, наверное. Может, меньше. Мне-то казалось, до ночи.

Он попробовал встать. Со второй попытки встал, опираясь о тумбу, перенёс вес на правую ногу, потом осторожно попробовал левую — ту, с кровоподтёком, и зашипел.

— Идти можешь? — спросил я.

— Могу. Быстро — не могу.

— Тогда пойдём медленно.

Я смотал верёвку в короткую бухту и убрал в сумку. Савель отцепил от пояса ремешок, нацепил лампу на крюк и стал оглядываться — искал, на что опереться. Кира забрала лампу, освобождая ему руку.

— погоди, — он захромал к лазу, нагнулся и вытянул из-под обвала багор. Обычный, портовый: длинная рукоять, крюк и шип. — Вот. И опора, и в дело сгодится.

— До решётки дойдём этим путём? — Кира подставила Савелю плечо.

— Я тут двадцать лет дорогу знаю, — сказал Савель. — Решётка рядом, по этой же улице, — он ткнул багром за поворот и опёрся на Кирино плечо. — Дойду.

— Значит, идём.

Мы прошли по улице шагов пятнадцать.

Ровно до того места, где улица выпрямлялась и открывался перекрёсток.

Там камень ударил в обод колодца за моей спиной.

Первый я услышал. Второй увидел: он прошёл мимо Савелева плеча, ударил в сухую кладку и выбил крошку ему в лицо.

Я вскинул голову.

Над улицей, метрах в двух с небольшим, поперёк шёл тот самый настил. Раньше он был пустой.

Теперь — нет.

На нём стояли семеро.

Двое у ближнего края, с пращами, оба третьего уровня, — один как раз докручивал вторую петлю, и я увидел это движение целиком, от плеча до запястья. Пятеро у дальнего края, где к настилу поднималась лестница: копыя, ножи, один с чем-то вроде короткого тесака.

Двое прицеливались прямо в наш выход, а остальные двинулись к лестнице.

— Назад! — сказал Савель. — Под доски!

Он показал багром — не в ту сторону, откуда мы шли, а вбок, где под настилом у стены темно.

Я толкнул его туда.

Не подставился под камень грудью, не закрыл никого собой; просто взял за здоровое плечо и толкнул в нужном направлении, а сам сместился вслед, так что между мной и пращниками оказалась кромка настила.

Третий камень ушёл выше — они уже теряли угол.

— Кира, за мной!

Она шла последней и, когда добежала, сделала то, чего я не успел сказать: присела, поставила лампу за камень и накрыла колпачком.

Свет погас.

Мы оказались в закутке под настилом. Сухое пространство высотой в рост присевшего человека, с наклонной тропой вдоль стены, идущей вверх, к дальнему краю. Сверху сквозь щели между досками пробивались полосы; в этих полосах висела пыль, и когда по доскам проходили, полосы гасли и сдвигались.

Савель схватил Киру за рукав и остановил.

— Не туда. У стены иди, — прошептал он. — Там доски целые. Посередине щель — тебя под ногами увидят.

Она посмотрела наверх, поняла, подхватила лампу и пошла у стены.

Наверху ругались. Слова я не понимал; один всё повторял короткое отрывистое «рак», второй отвечал тем же, только громче. Потом раздался другой голос — отрывистее и злее остальных, и по настилу пошли шаги в сторону лестницы.

Пятеро спускались.

— Савель, — сказал я тихо. — Сколько до лестницы по низу?

— Двадцать шагов. Она выходит вон туда, за поворот. Внизу у неё караулка.

— Пустая?

— Была пустая.

Я оставил его у стены, посадив на корточки. Кира опустилась рядом — не вплотную, на расстоянии, чтобы мы не мешали друг другу локтями.

Под досками пахло сухой пылью и старым деревом. Наверху ходили; сквозь щели сыпалось на плечи, и Савель, не глядя, подгрёб к себе полу куртки.

Кира тронула меня за рукав.

Я обернулся. Она показала пальцем на мою левую руку — там, где повязка, и я понял: край повязки выбился из-под манжеты, пока я держал верёвку, и висел петлёй, светлый в полутьме.

Я подобрал его и заправил.

— Спасибо, — шепнул я.

Она не ответила, только поджала губы и кивнула.

— Сидите здесь, — я коснулся Кирино плеча, разворачивая её к тёмному проходу. — Кинжал достань. Если кто-то выйдет — кричи.

— А ты?

— А я к ним.

Она посмотрела наверх, на щели.

— Их семеро.

— Пятеро уже идут вниз. Наверху останутся двое с пращами, — я перекатил плечи, проверяя, как ходит левая рука; шов на рукаве держал, повязка не мешала. — Двое наверху — это меньше, чем семеро сверху.

Кира ничего не ответила. Только кивнула и подобрала колени.

Я пошёл вдоль стены — не к лестнице, а в другую сторону, к ближнему краю настила.

Там, где стояли пращники.

Настил держали толстые стойки, вкопанные в мостовую; между двумя из них к стене был привален каменный уступ — не то остаток старой лестницы, не то просто сброшенный кусок кладки, вросший в грязь. Он поднимал меня на полметра.

От уступа до нижней перекладины настила оставалось метра полтора. Досыгаемо.

Я встал под самым краем и посмотрел вверх.

Прямо надо мной кто-то ходил: доски прогибались и скрипели, пыль сыпалась ровными порциями. Он был раздражён. Он потерял цель и теперь перемещался вдоль перил взад-вперёд, заглядывая вниз то с одного места, то с другого.

Я прижался к стойке и стал ждать. Шаги над головой ушли влево, вернулись, снова остановились. С другой стороны уже стучали по лестнице — надо было успеть раньше пятерых.

С дальнего края крикнули — спросили что-то. Он ответил, коротко и раздражённо, и по голосу было слышно: ничего он не нашёл.

Потом доски надо мной скрипнули иначе — не шагами вдоль, а одним тяжёлым прогибом: он перенёс вес на одну сторону.

Он нагнулся.

Я увидел сначала свисающую руку с пращой, потом плечо, потом чёрную морду, повернутую вниз и в сторону. Он смотрел туда, где мы исчезли, и не смотрел прямо под себя.

Я поднялся на уступ, взялся левой за нижнюю перекладину, подтянул корпус — и правой поймал его за запястье.

Он был лёгкий — они все лёгкие против человека. Только обычно до них снизу не дотянешься.

Этот свесился сам.

Я рванул на себя и вниз, добавив весом собственного тела. Он перевалился через перила без крика. Крикнуть он успел уже в воздухе, ударился боком о стойку и упал на мостовую в двух шагах от уступа.

Он был жив. Он даже попытался встать на четвереньки.

Я спустился и добил его перчаткой в затылок. Строка мигнула на краю зрения; читать её я не стал.

Второй прашник увидел, как упал напарник, и выкрикнул два протяжных слога, потом короткий третий. На лестнице шаги сбились и повернули назад.

Времени хватало на один рывок наверх.

Я вернулся на уступ, взялся обеими руками за перекладину, вынес ногу на стойку — там был железный хомут, узкий, но достаточный, и перевалился через перила на настил.

Доски отозвались гулом.

Второй прашник уже бросил пращу и вытаскивал нож.

Он был не трус. Он мог бы побежать к своим, и это было бы разумно, но решил, что успеет достать меня, пока я поднимаюсь.

Он почти успел.

Нож пошёл снизу, в живот, когда я ещё переносил ногу через перила. Я подобрал бедро, принял руку с ножом на предплечье — не на повязку, ниже, и, падая вперёд, вбил плечо ему в грудь.

Мы оба оказались на досках.

У него не было ни веса, ни рычага; нож оказался зажат между нашими телами, и это устраивало меня куда больше, чем его. Я освободил правую, поставил локоть и ударил сверху в лицо. Один раз. Второй.

Потом перехватил его руку с ножом за запястье, выкрутил и добил открытой перчаткой в висок.

Уровень: 3 (59/60 Очков Системы).

Пятьдесят девять из шестидесяти — за обоих прашников.

Я поднялся на ноги, вытирая ладонь о собственное бедро, и посмотрел вдоль настила.

Пятеро шли на меня.

Передние успели подняться обратно к настилу, задние ещё теснились на ступенях. Они занимали лестницу и площадку перед ней. Два копыя впереди, за ними тесак, потом ещё двое с ножами. Настил был шириной в полтора человека. Перила с обеих сторон.

Они увидели, что стало с прашниками, и остановились на верхних ступенях.

Хорошее место. Для них.

Я не полез в лоб.

Я пошёл вперёд ровно настолько, чтобы первый копейщик решил, что достанет меня с лестницы, и он ткнул — длинно, от плеча, с площадки. Древко прошло в ладони от моего бока и зацепилось наконечником за стойку перил.

Я наступил на выступившую часть древка.

Он рванул. Копьё не пошло — не потому, что я был тяжелее, а потому, что наконечник заклинило в стойке, а я держал ногой середину. Он бросил древко и потянулся к поясу.

К поясу он не дотянулся.

Я пошёл на него на два шага и ударил правой в челюсть снизу вверх. Он ударился затылком о перила и осел.

Внимание! Вы достигли четвёртого уровня!

Уровень: 4 (6/80 Очков Системы).

Получено 2 свободных очка параметров.

Строка мигнула и ушла. Я не стал её открывать: стоял на чужой лестнице, перед четырьмя, и никакие два свободных очка не сделали бы мой следующий удар быстрее.

Четверо на ступенях увидели, как упал их передний.

Они не отступили и не бросились скопом. Они сделали то, что делают все на лестнице. Задние поджали передних, передние упёрлись, и на две ступени образовалась куча, в которой длинное оружие мешало всем сразу.

Мне это было на руку.

Второй полез сбоку, под мой локоть, с ножом. Он был мелкий и шустрый и целился в подмышку — туда, где куртка не защищает.

Я развернул корпус, встретил его коротким в грудину и, когда он согнулся, добил сверху вниз по затылку.

Третий, тот, что с тесаком, отскочил на две ступени ниже и развернул оружие поперёк лестницы, перегородив её.

Разумно. Он собирался держать дистанцию и ждать, пока я полезу вниз, на его клинок.

Я толкнул на него тело второго.

Не метнул, не сбросил как снаряд — просто подтолкнул ногой по ступеням, и мёртвое поехало само, всем весом. Ему пришлось убрать тесак и отступить ещё на ступеньку, чтобы под ноги не попало.

Этой ступеньки хватило.

Я сошёл к нему в три шага, пока он восстанавливал стойку, поймал его вооружённую руку за предплечье и ударил в лицо. Он не выпустил тесак — этот был крепче предыдущих. Я ударил снова, в то же место, и в третий раз, уже когда колени у него разъехались.

Тесак загремел по ступеням вниз. Гоблин сполз следом, лицом по доскам. Я уже переступал через его плечо: внизу оставались ещё двое.

Двое последних не стали ждать меня на лестнице.

Они сорвались с нижних ступеней и побежали не от меня, а вбок — вдоль стены, туда, где под настилом сидели Савель и Кира.

Один махнул ножом в сторону выступа, за которым сидела Кира, и оба прибавили шаг.

Я пошёл следом, и в этот момент из темноты под досками высунулся багор.

Савель не встал в полный рост и не заорал боевой клич. Он сделал ровно то, что умел: просунул длинную рукоять поперёк узкого прохода на уровне колена, уперев её в стену и придерживая ногой.

Передний бегущий поймал её голенью.

Он пролетел два шага, чудом не упав, и ткнулся плечом в камень. Вторым перепрыгнул и рванулся дальше. И тогда справа, из-за каменного выступа, шевельнулась Кира. Она не бросилась ему наперерез. Она просто сдвинулась глубже за камень, и гоблин потерял её из виду и на полшага замешкался, поворачивая голову.

Эти полшага я забрал.

Я сошёл с последней ступени сбоку от них, взял ближнего за плечо и развернул его прямо на второго. Они столкнулись; ножи у обоих оказались зажаты между телами.

Первому я ударил в основание черепа — коротко, накладкой.

Второй вывернулся из-под падающего товарища и успел полоснуть меня по бедру — вскользь, через штанину, и я почувствовал только рывок ткани и жжение.

Я поймал его за локоть, вывел из равновесия и добил двумя в голову.

Уровень: 4 (34/80 Очков Системы).

Стало тихо.

Я стоял под настилом и слушал, как где-то наверху всё ещё поскрипывает доска, качаясь на опоре, и как рядом, в двух шагах, тяжело дышит Савель.

Семь.

— Все? — спросил он.

— Все семеро.

Я прошёл вдоль них взглядом: один у перил наверху, трое на лестнице, трое здесь. Ни один не полз, ни один не хрипел. Я не люблю оставлять за спиной шевелящееся — не из жалости и не из жестокости, а потому, что у шевелящегося бывает нож.

Савель, кряхтя, вытащил багор из-под ног лежащего.

Кира вышла из-за выступа, подала ему погашенную лампу. Он зацепил её за ремень и прижал кулак к груди, как прижимают ушибленное, просто чтобы куда-то деть руку.

— У тебя нога, — сказала Кира.

Я посмотрел. Штанина была располосована ладони на две; под ней темнело, но неглубоко — царапина, из тех, что к утру перестают замечаться.

— Потом, — сказал я. — Савель, где здесь можно...

Я не договорил.

Слева, в четырёх шагах от нас, у основания лестницы, в стене была дверь.

Старая, из толстых досок, на железных петлях — та самая караулка, про которую он сказал «была пустая».

Она была не пустая.

Створка пошла наружу — толчком, изнутри, и ударила в каменный выступ, и Кира оказалась прямо перед этим движением.

Я был в четырёх шагах.

Створка врезалась ей в предплечье — не остриём, не железом, просто тяжёлым краем доски через рукав, и Кира мотнулась, но не отскочила в сторону.

Она навалилась обратно плечом.

А из щели между створкой и косяком высунулась рука с ножом.

Глава 12

Савель успел раньше меня.

Он не поднимался — он уже стоял, опираясь на багор, и ему было ближе. Он просто перехватил рукоять двумя руками и завёл крюк в щель, под локоть высунувшейся руки.

Потянул вниз и на себя.

Рука ушла за ним, вытянулась, и Кира, не думая, продавила створку обратно.

Запястье зажало между дверью и косяком.

Тварь за дверью взвыла. Она рванулась, дёрнула плечом, попыталась выдернуть кисть — и от этого рывка створка пошла на Киру, и Кира поехала подошвами по камню.

— Держи! — сказал я.

— Держу!

Она перебросила упор: убрала плечо, развернулась боком и упёрлась бедром в створку — так держат тяжёлую дверь, когда плеча уже не хватает. Ноги у неё встали правильно, одна вперёд, другая назад. Не знаю, кто её этому научил и учил ли кто-нибудь; может быть, она просто десять раз в жизни закрывала дверь против ветра.

Дверь встала.

И тогда у неё освободилась правая рука.

Она не стала ждать меня. Она посмотрела на зажатое запястье, на дёргающиеся когти, потом чуть выше — туда, где в щели, в ладони над зажатой рукой, темнела и хрипела морда, и ударила кинжалом.

Раз. Второй раз, ниже.

Хрип перешёл в бульканье. Когти разжались, нож звякнул о камень внутри, рука обмякла и повисла в щели.

Кира отпустила створку.

Дверь пошла наружу, потому что изнутри её теперь толкал второй — он навалился на своего мёртвого, сталкивая его с дороги. Тело выпало на камень у порога, а следом, через него, полез второй.

Багор Савеля поймал его за ворот.

Старый насосный мастер отступил на здоровую ногу, перенёс вес и потянул. Гоблин перевалился через тело товарища и растянулся на пороге головой наружу, и в этот момент подошёл я, но подошёл к Кире, а не к нему.

Потому что она уже стояла над ним.

Он вставал на четвереньки, вывернув голову, и правая рука у него шарил по камню, ища оброненный нож. Кира наступила ему коленом на плечо — не на спину, на плечо вооружённой руки, придавив её к земле, и ударила сверху вниз, под ключицу.

Он ещё дёрнулся. Она ударила второй раз, туда же, и провернула.

Я стоял в шаге и не мешал.

Плечо она удерживала коленом, Савель держал ворот багром. Я занял открытую дверь: если внутри был ещё кто-то, ему пришлось бы пройти через меня.

Гоблин перестал двигаться.

Кира сняла с него колено, отступила на два шага и села на нижнюю ступеньку лестницы. Стянула сумку с плеча, поставила у ног.

Кинжал она держала на отлёте, от себя, как держат вещь, которую некуда деть.

— Дверь, — сказала она.

Я уже проверял.

Караулка была маленькая: два шага на три, каменные стены, каменный пол. Лежанка из досок у стены, на ней тряпье. Пустая кадушка в углу. Обглоданные кости и вонь.

Всё.

Третьего там не было.

Я вышел, прикрыл створку и подпёр её выпавшим телом, чтобы не хлопала.

— Чисто, — сказал я. — Двое их было.

Савель опустил багор и тяжело сел прямо где стоял — на приступку у стены. Он подтянул к себе левую ногу, ощупал сапог и стал перевязывать голенище ремешком: тот расхлябался, и голенище съезжало на кровоподтёк.

— Шестнадцать, — сказал он и потряс головой, будто сам себе не верил. — Я, пока шли, считал. Пятеро у колодца, двое под плитой, семеро на настиле, эти двое. Шестнадцать.

— Четверых из них Кира взяла, — я кивнул на неё и отодвинул ногой выпавший нож подальше от ступени.

Савель посмотрел на Киру и присвистнул.

— У нас тут по семь-восемь ходило, — сказал он. — Две недели одни и те же морды. Значит, всё? Значит, кончились?

— Значит, вы знали, сколько их ходит мимо вас, — сказал я. — А сколько их всего — вы не знаете.

Он посмотрел на меня снизу вверх, помолчал и кивнул.

— Твоя правда.

Я подошёл к Кире.

Она сидела на ступеньке, поставив локти на колени, и всё ещё держала кинжал от себя. Пальцы у неё были в крови по вторую фалангу и не разжимались.

Я протянул руку за кинжалом. Кира разжала пальцы только со второй попытки. Я вытер клинок о куртку убитого и вернул ей рукоятью вперёд. Она достала карту и убрала оружие.

— Двенадцать теперь, — Кира сжала и разжала пальцы, убрала карту. — По четыре за этих.

Она ещё раз глянула на порог. Села ровнее, убрала прилипшую ко лбу прядь.

— До второго восемь осталось.

— Доберёшь, — я подал ей сумку, которую она оставила у ступени. Она взяла её уже без дрожи.

Тридцать четыре очка и два свободных очка параметров так и висели в таблице. Тратить их здесь, среди трупов, пока Савеля не довели до своих, я не стал.

Савель опёрся на багор и кивнул на створку:

— Удержала ведь. Я думал, снесёт тебя.

— Я тоже, — она попробовала поднять левую руку и скривилась.

Я оттянул рукав. На предплечье наливалась красная полоса, кожа цела.

— Пальцами пошевели. Теперь согни.

Кира пошевелила пальцами, согнула руку и отобрала её.

— Двигается. Только не трогай пока.

— У Дениса холодное приложим, — я опустил рукав. — Савель, подняться можешь?

Пока он вставал, я поднял с камня свалившийся тесак.

Клинок в полторы ладони, тяжёлый к концу, с щербиной у обуха. Возиться с ним сейчас не хотелось.

Я положил его обратно.

— Савель. Обратно к решётке как?

Он показал багром вверх по лестнице.

— По настилу до конца, там сойти и налево. Или низом, но низ упирается во двор, а через двор я тебе не советую.

— Что за двор?

— Проездной. Два выхода, один вниз к решётке вдоль подпорной стены, другой наверх, к рынку. Место открытое.

Я хотел спросить ещё, но не успел.

Наверху, на настиле, стукнуло.

Один удар — подошва по доске, и сразу тишина; так стучит тот, кто понял, что стучать не надо.

Я поднял голову.

На верхнем краю лестницы, там, откуда десять минут назад спускались пятеро, стоял человек.

Высокий — выше меня, в такой же серо-бурой куртке, как у нас с Кирой, с топором в правой руке. Плечи у куртки были ему широки и висели пустыми. Светлые отросшие волосы падали на лоб, слипшись у виска.

Над ним стояло зелёное.

Он смотрел вниз — на тела у порога караулки, на Савеля с багром, на Киру, сидящую на ступеньке, и на меня.

Потом выше — на метку.

И сделал шаг вперёд.

— Отойди от неё, — сказал он.

Слишком громко: так говорят, когда боятся, что голос сорвётся.

Я не двинулся с места. Парень стоял выше, и на лестнице уклониться от топора было нигде. Киру за спиной тоже оставлять не хотелось. Я отвёл руку в сторону, показывая, что не тянусь за оружием.

— Спустишься и посмотри, — сказал я.

— Я и отсюда вижу.

— Отсюда ты видишь цвет над моей головой. Больше ничего.

Он перехватил топор поудобнее. Я следил не за топором, а за его ногами. Он стоял на верхней ступени, вес держал на задней, передняя только пробовала. Он ещё не решил.

И тут заговорила Кира.

Она не вскочила. Она подняла руку — ту, в которой ничего не было, и показала ему раскрытую ладонь, а второй показала на порог караулки, где лежали двое.

— Этих двоих убила я, — сказала она. — Вон того — я, у двери. И второго я, на полу. Хочешь посмотреть?

Он моргнул.

— Он тебя заставил?

— Заставил, — сказала она. — Меня живой с этого двора не выпускали, а он заставил не умереть. Ты вообще видишь, что здесь было?

Она обвела рукой.

Он посмотрел. Настил с одним телом у перил. Лестница с тремя. Порог с двумя. Внизу под настилом — ещё три тела. Колодца отсюда видно не было.

— А те, от кого мы уходили, — сказала Кира, — вон там, у колодца. Хочешь, проводим. Савель поднялся с приступки, опираясь на багор.

— Лев, — сказал он.

Парень на лестнице дёрнулся.

— Ты меня знаешь?

— Я тебя у решётки видел третьего дня. Ты воду просил, тебе Орден, лысый наш, с лампой, через прутья кувшин подавал, — Савель переставил больную ногу и поморщился. — Я Савель. Меня из колодца вон он вытащил. Я там полчаса на скобах провисел, а под плитой ко мне тянулись двое. Не слышал, как я орал?

— Слышал, — сказал Лев. — Я на крик и шёл.

— Ну вот и пришёл.

Топор опустился.

Не сразу — сначала он опустил его до бедра, постоял так и только потом дал руке повиснуть. И стал спускаться, и спускался по очищенным ступеням, глядя под ноги, переступая через тех, кто на них лежал.

Внизу он остановился в трёх шагах и посмотрел на меня прямо.

— Я про твою метку ещё спрошу.

— Сначала человека доведём, — я подхватил Савеля с другой стороны.

Лев сунул свободную руку мастеру под локоть.

— Вам куда?

— К решётке, — сказал Савель. — И пусть кто-нибудь идёт сзади. Я быстро не хожу, а оборачиваться мне сегодня надоело.

Лев вернул топор в карту, убрал её и подставил Савелю правое плечо.

И, когда нагнулся, у него за спиной качнулась и съехала набок длинная рукоять.

Я увидел её раньше, чем понял, что вижу: за поясом, продетый под ремень, у него висел тесак. Длинный, чуть не в полруки, с обмотанной серой тряпкой режущей кромкой. Обмотка сидела неаккуратно, в два оборота, и один конец уже развязался.

— Стой, — сказал я.

Он замер.

— У тебя железо к нему поедет. Придержи.

Лев посмотрел вниз, увидел съехавшую рукоять и торопливо перехватил её свободной рукой, отводя от Савелева бока.

— Не порежет, — сказал он. — Я замотал.

— Ты замотал подолом, — я показал на его куртку: снизу, у левого бока, была выдрана полоса. — Через два поворота разматается.

Он затянул обмотку и закрепил тесак за поясом, подальше от Савеля.

— Ты давно тут? — спросил я.

— Четвёртый день, — он подумал. — Или третий. Я первую ночь не считал, я её на крыше просидел.

Лев облизал потрескавшиеся губы. Кира достала мою початую флягу, вложила ему в свободную руку. Пока он пил, она сама подставила Савелю плечо.

— Спасибо, — он вернул флягу и снова подхватил мастера.

— Тесак не мой, — сказал он, поправляя обмотку. — Ты ведь это спросить хотел?

Я кивнул на ремень:

— Главное, чтобы Савеля им не проткнул. Где взял?

Он поправил Савелю руку на своём плече и зашагал, медленно, подстраиваясь под чужую хромоту. Я пошёл впереди, шагах в пяти; Кира — между нами, вполоборота, поглядывая назад.

— Я с рынка шёл, верхним переулком, — сказал Лев. — Там навесы стоят, торговые. Я думал, найду людей. Нашёл одного. Местный, в кожаном доспехе. Он мне говорит: топор клади, — Лев перехватил мастера поудобнее. — И я не положил. Он полез. У него вот это было, — он мотнул подбородком на тесак за поясом. — Здоровая штука. Он замахнулся, я подставил рукоять и отбил ему руку об косяк. Об угол навеса. Он заорал, выронил и отскочил.

— Ты его добил?

— Нет, — сказал Лев. — Он за навес ушёл. Я стоял и думал, догонять или нет, и тут снизу закричали, — он посмотрел на Савеля. — Ты, значит.

— Я, — подтвердил Савель.

— Ну, я тесак и подобрал. Ножен нет, я подол оторвал и замотал, — Лев помолчал. — У него на поясе пластина висела, вроде вашей карты. Он её не выронил.

Я на ходу оглянулся.

— Какая пластина?

— Ну такая. Плоская, — он развёл большой и указательный пальцы. — Я не разглядывал, мне было чем заняться.

— Ладно, — сказал я. — Потом покажешь железку.

Больше я его не расспрашивал, потому что впереди открывался поворот, за поворотом — двор, и из этого двора шёл звук.

Я поднял руку.

Все встали.

Звук был неровный, но узнаваемый: топот многих ног по камню, и поверх него — глухой ритмичный стук. Древком по щиту. Так делают, когда хотят, чтобы свои держали шаг.

— Стойте здесь, — сказал я.

Я прошёл последние десять шагов вдоль стены и выглянул из-за края прохода.

Двор был такой, как описал Савель: шагов двадцать поперёк, вытоптанная земля в середине, каменные полосы вдоль стен и неглубокий водоотводный жёлоб по краю. Справа, внизу, узкий выход вдоль подпорной стены — тот, что вёл к решётке. Слева вверху второй, широкий, к рынку.

От верхнего выхода отряд расходился двумя крыльями.

Слева, из верхнего выхода, — четверо мелких и за ними пятый, на голову выше остальных, в кожаном доспехе с нашитыми пластинами, с большим овальным щитом и коротким мечом. Он и стучал древком — нет, не древком, рукоятью по краю щита.

Вторые четверо уже шли вдоль дальней стены, огибая середину двора; за ними двигался второй крупный. Этот был с копьём: длинным, тяжёлым, с широким наконечником, и держал он его не как палку, а как оружие — у бедра, обеими руками, наконечником чуть вниз.

Десять.

Восемь мелких и двое старших.

Они шли не спеша и не рассыпаясь — и расходились клешнями, так, чтобы к тому моменту, когда кто-то выйдет из прохода, крылья стояли в двадцати шагах друг от друга и держали оба выхода.

Пока они смотрели на лестницу, не на наш узкий проход. Копейщик показал туда наконечником и что-то крикнул щитовику.

Я смотрел ещё несколько секунд и считал не их, а расстояния.

От прохода, где я стоял, до нижнего выхода вдоль правой стены — шагов пятнадцать по каменной полосе. От копейщика до того же выхода — двадцать с небольшим, и ему при этом надо пересечь мягкую вытоптанную середину.

Пять шагов разницы.

Просто перегнать их с хромым Савелем не выйдет. Нужно связать ближних боем, пока Лев займёт выход, — тогда они успеют пройти.

А мелких у щитовика четверо, и они быстрые.

Я вернулся.

— Десять, — сказал я тихо. — Восемь мелких, двое старших. Один со щитом, один с копьём. Разошлись по обеим сторонам двора.

Савель посерел.

— Нижний выход, — сказал он. — Который к решётке. Он с той стороны, где копейщик?

— Дальше от него, чем от нас. Шагов на пять.

— Пять — это мало.

— Пять — это достаточно.

Я повернулся ко Льву.

— Ты пойдёшь первым. Не в драку. Дойдёшь до нижнего выхода и встанешь в углу так, чтобы держать его, не в проходе, а сбоку, вполоборота. Никого туда не пропускаешь и сам никуда не лезешь.

Лев кивнул. Он снял руку Савеля со своего плеча и перехватил топор двумя.

— Кира. Савеля берёшь ты. Идёте вдоль стены, по правой каменной полосе, до угла и за поворот. Через середину не срезай, даже если покажется, что так короче.

— Поняла.

— И не оборачивайся на меня. Что бы ни услышала.

Она посмотрела мне в лицо — коротко, быстро.

— Ты сказал «что бы ни услышала».

— Сказал.

— Тогда ты не умирай, — сказала она. — Я не буду оборачиваться, а ты не умирай. Такой уговор.

Она сказала это очень ровно, и от этой ровности мне на секунду стало не по себе — сильнее, чем от десятерых во дворе.

— Уговор, — сказал я.

Она кивнула и взяла Савеля под руку.

— А ты? — спросил Лев.

— А я выйду первым и заберу их на себя.

— Один на десятерых?

— Не на десятерых, — сказал я. — На тех, кто побежит вам наперерез.

Я вышел из прохода.

Не побежал, не крикнул — просто вышел на открытое, на край каменной полосы, и встал так, чтобы меня увидели оба крыла.

Меня увидели.

Мелкие, которые шли слева, взвыли и прибавили шагу. Щитовик рявкнул, и двое из его четвёрки сразу отвалили вправо. Пошли по дуге, к нижнему выходу, наперерез тем, кто должен был оттуда появиться.

Умные. И быстрые.

Я пошёл им навстречу.

Они бежали через середину двора, по вытоптанной земле, а я двигался по каменной полосе вдоль стены, там, где подошва не вязнет, и перехватил их раньше, чем они рассчитывали.

Первый выставил копьё на бегу. Короткое, всего ему в рост, с узким наконечником — не такое, как у старшего.

Я ушёл с линии коротким шагом влево, поймал древко за середину и провернул — не выдирая, а разворачивая вместе с ним самим. Он крутанулся на собственных ногах и оказался поперёк движения второго.

Второй не успел отвернуть. Он ткнулся ему в спину, они на мгновение спутались и этого мгновения хватило.

Первому — правой в затылок, накладкой, сверху.

Уровень: 4 (41/80 Очков Системы).

Второй уже выдёргивал нож, отталкивая от себя падающего товарища, и был прижат к стене его телом и собственной спешкой. Я не стал ждать, пока он освободится. Вошёл вплотную, пробил левой в корпус — под нижнее ребро, где у них тоже мягко, и когда он сложился, ударил правой в голову.

Уровень: 4 (48/80 Очков Системы).

Третий подошёл иначе.

Он не побежал мимо. Он держался за щитовиком, шёл за его плечом, прикрытый, и тянулся достать меня копьём из-за края щита. Старший принимал этот танец охотно: подставлял защиту и подвигался ближе, шаг за шагом, работая на мелкого.

Пока они так идут, мне к ним не подойти.

Я отступил на полшага.

Всего на полшага, но мелкому этого хватило. Он решил, что я пячусь, и вынес древко вперёд, выйдя из-за щита на полкорпуса.

Я ударил ногой.

Не в него — в древко, сверху вниз, коротким топчущим движением. Наконечник ушёл в землю, он по инерции влетел в свой собственный рычаг и провалился вперёд, теперь уже целиком открытый.

Правой в висок.

Уровень: 4 (55/80 Очков Системы).

Щитовик остановился.

Он стоял в четырёх шагах и смотрел на меня поверх окованного края — и я видел, как он пересчитывает. Во двор он вышел с четырьмя. Осталось меньше, чем он ждал, и не потому, что кто-то сбежал.

Он не полез. Он гавкнул назад, в сторону второго крыла, и стал ждать, пока подойдёт копейщик.

Вот это было плохо.

Четвёртый был тот, что ушёл за первыми двумя к нижнему выходу.

Он уже добежал до нижнего выхода.

И там стоял Лев.

Парень сделал ровно как я сказал: занял угол вполоборота, а не встал в проходе. Так что за его спиной оставалась свободная дорога, а перед ним — только тот, кто хотел в неё войти. Топор, снова извлечённый из карты, он держал низко, обеими руками.

Мелкий с разбегу попробовал проскочить справа.

Лев рубанул — широко, с отяжкой, поперёк его пути. Не попал и не собирался попадать; лезвие прошло в полуметре перед мордой, и мелкий отшатнулся и встал как вкопанный.

И замер, глядя на топор.

Я пришёл к нему сбоку — с того фланга, который освободился, когда упал третий, и он меня не видел до последнего шага.

Правой под ухо.

Уровень: 4 (62/80 Очков Системы).

Я выпрямился и посмотрел в дальний конец двора.

Кира и Савель как раз уходили за нижний поворот: она вела его под руку по правой каменной полосе, так, как я сказал, и ни разу не обернулась.

Щитовик с копейщиком остановились.

Они сошлись в середине двора, плечом к плечу — щит слева, копьё справа — и повернулись ко мне. Четверо оставшихся мелких больше не бежали. Они разошлись по бокам, двое к жёлобу, двое ближе к верхнему выходу, и держали дистанцию.

Никто больше не собирался лезть мне под кулак поодиночке.

Проход я людям открыл.
Теперь надо было выйти самому.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.